

НЕЗАМКНУТАЯ РУНА

МАРГО БЕЛЫШЕВА

18+

Марго Бельшева

Незамкнутая руна

«Автор»

2026

Бельшева М.

Незамкнутая руна / М. Бельшева — «Автор», 2026

После ночной аварии на побережье Исландии Эйлин узнаёт, что её кровь принадлежит миру валькирий. В Асгарде она наблюдает, как Один убивает людей ещё до того, как они совершают зло, чтобы предотвратить последствия. Единственным, кто встаёт рядом с ней против него, становится Локи — бог лжи, хаоса и самых опасных искушений. Чтобы вернуть смертным право выбора, Эйлин придётся предать богов и переписать саму судьбу.

© Бельшева М., 2026

© Автор, 2026

Марго Бельшева

Незамкнутая руна

Марго Бельшева. “Незамкнутая руна”.

Глава 1. Последний месяц смертной жизни.

«Человек человеку должен быть другом».

— Один, «Речи Высокого».

Меня всю трясло. Разумом я понимала, какую огромную работу проделала: моё исследование о рунных виршах исландцев получилось сильным — я действительно в это верила. Я опиралась на труды Йоун Оулавссон и сопоставляла графические изменения рун Старого и Нового миров. Но сердце предательски сомневалось: достоин ли мой диплом той оценки, которая вот-вот должна была вспыхнуть на синем табло в главном зале университета.

— Не дрейфь. Ты красotka, получишь и высший балл, и свой диплом с отличием, о котором так мечтала.

Астрид взяла меня под руку и легко толкнула плечом. Я натянуто улыбнулась.

Мы прошли вместе всю магистратуру и за это время успели стать настоящими подругами. Я бы даже сказала — она была единственным человеком, которому я по-настоящему могла доверить свои страхи и переживания. С тех пор как я решила уехать из Рейкьявика в Акюрейри, чтобы получить диплом филолога скандинавской литературы, именно Астрид не позволяла мне окончательно утонуть в одиночестве.

Не то чтобы мне было тяжело одной. Я всегда скорее тянулась к тишине, чем к людям. Но всё же мне было приятно знать, что в чужом городе появился кто-то свой.

Папа долго не хотел меня отпускать. Один диплом филолога зарубежной литературы у меня уже был, и с его точки зрения этого более чем хватало. Но он знал, как сильно с подростковых лет я болела скандинавскими мифами, сагами и историей викингов. В конце концов он махнул рукой и сказал, что я уже не ребёнок, чтобы держать меня возле себя. За это я была ему благодарна.

Я старалась звонить ему каждую неделю, иногда — раз в две. У меня не было ни братьев, ни сестёр, а мама ушла, когда мне исполнилось два года. Мы с отцом никогда не говорили о ней. Он так и не встретил новую любовь, хотя я не раз предлагала ему завести Tinder или хотя бы сходить со мной на публичную лекцию, концерт или какое-нибудь мероприятие, где люди знакомятся без помощи алгоритмов. Но он только отмахивался. Это был его выбор, и я научилась его уважать.

Синее табло вспыхнуло ярче, и я нервно сжала руку Астрид, закусывая нижнюю губу от напряжения. Экран обновился и строка за строкой вывел результаты пятнадцати студентов, защитившихся сегодня.

Я судорожно пробежалась взглядом вниз по списку.

Эйлин Сигурдсдоттир — 10.

Из груди вырвался облегчённый выдох. Высший балл. Тот самый, к которому я шла так долго.

Астрид, увидев свою восьмёрку за исследование взаимосвязи богов и древа Иггдрасиль, радостно взвизгнула так громко, что у меня зазвенело в одном ухе, а затем крепко стиснула меня в объятиях.

— Мы свободны! Мы сделали это!

Она звонко расхохоталась, отпуская меня, и подпрыгнула на месте. Я невольно улыбнулась.

В этом была вся Астрид — озорная, лёгкая, полная жизни. Я не представляла, что вообще способно выбить её из равновесия. На всё у неё находился светлый ответ, будто мир изначально был создан исключительно для хорошего.

Оптимист даже на кладбище видит одни плюсы, — любила повторять она о себе.

— Эй-эй! Эйлин! — Тео бодро обнял меня за плечи и смачно чмокнул в макушку. — Поздравляю, детка! Идём праздновать?

Я замялась. Шумные вечеринки я обычно обходила стороной. Толпы людей, громкая музыка, бессмысленные сплетни — всё это выматывало меня быстрее, чем многочасовая работа с рукописями. Куда больше мне нравилось оставаться одной с новой книгой, взятой из университетской библиотеки.

Там же я подрабатывала после занятий, и благодаря этой работе могла снимать небольшой рыбацкий домик на берегу Эйяфьордур. Пляж с чёрным песком, зажатый между суровыми скалами, каждый раз перехватывал дыхание. Иногда мне казалось, что именно ради этих вечеров у воды стоило переехать сюда. Но сегодня был особенный день. Разве нельзя позволить себе немного праздника?

— Конечно, мы с Эйлин идём отмечать! Это даже не обсуждается! — заявила Астрид раньше, чем я успела открыть рот.

Ребята выбрали Akureyri Backpackers — один из самых популярных баров-ресторанов в нашем небольшом городе.

Не то чтобы я часто там бывала. Скорее наоборот. Но у них была стойка с книгами, и иногда по утрам я заходила туда за кофе, чтобы провести несколько тихих минут с романом или статьёй перед занятиями. Несколько страниц в начале дня удивительным образом собирали мысли воедино и настраивали меня на работу с текстами.

К нам присоединились Андреа и Лео — новорождённая парочка. По нашим с Астрид подсчётам, они сошлись около трёх месяцев назад и с тех пор почти не расставались.

Мы заняли длинный деревянный стол у окна, откуда открывался вид на вечерний Акюрейри. За стеклом медленно сгущались сумерки, а внутри было тепло, шумно и пахло жареным хлебом, специями и алкоголем.

Астрид сразу взяла на себя роль организатора вечера и, даже не открыв меню, заказала всем по бокалу местного крафтового пива. Андреа выбрала рыбный суп в хлебе, Лео — бургер с картофелем, уверяя, что после защиты заслужил «нормальную человеческую еду». Я осталась на сливочной пасте с лососем и бокале белого вина, решив, что сегодня можно позволить себе маленькую роскошь.

Тео, только что догнавший нас после перекура, заказал то же вино и бросил на меня выразительный взгляд.

— У нас, кажется, похожий вкус, — заметил он, усаживаясь рядом и придвигаясь чуть ближе, чем следовало.

Пока остальные спорили о том, кто первым напился бы на факультетской вечеринке, Тео наклонился ко мне ещё ближе. От него пахло табаком, мятой и холодным вечерним воздухом.

— Теперь, когда ты официально гений с десяткой, может, согласишься наконец сходить со мной куда-нибудь вдвоём? Без всей этой шумной компании.

Я посмотрела на него и постаралась улыбнуться так доброжелательно, как только умела. Тео был красив, обаятелен, он умел слушать и с ним было легко. Именно поэтому мне особенно не хотелось делать ему больно.

Внутри разлилось тихое облегчение.

Учёба закончилась. Через несколько недель я собиралась вернуться в Рейкьявик. Столица ждала меня, отец ждал меня, а значит, всё решится само собой. Не придётся отталкивать его, неловко подбирать слова, объяснять, почему он мне дорог только как друг.

— Посмотрим, Тео, — уклончиво ответила я, делая глоток вина.

Он довольно усмехнулся.

Отношения никогда особенно не привлекали меня. И папа, и Астрид в один голос твердили, что я просто ещё не встретила своего человека. Возможно, они были правы.

Где-то глубоко внутри я и сама цеплялась за эту мысль. Идея брака казалась мне чем-то устойчивым, спасительным: тихой гаванью, где можно наконец перестать справляться со всем в одиночку. Она успокаивала мою вечную тревогу и помогала мне не думать о том, что однажды я могу остаться без опоры, без поддержки и без человека, который будет рядом. Эгоистично, наверное. Но так оно и было.

— Ну что, господа магистры, — Астрид подняла бокал, заставляя нас притихнуть. — Пора обсудить главное. Что вы собираетесь делать со своими великими умами дальше?

— Спать, — без раздумий ответил Лео. — Неделю. Возможно, две.

Все рассмеялись.

— Я серьёзно, — добавил он, отпивая пиво. — Потом устроюсь в туристическую компанию. Буду возить людей смотреть водопады и рассказывать им выдуманные исторические факты. Никто всё равно не проверяет.

— Это потому что ты сам половину фактов выдумывал на семинарах, — сухо заметила Андреа.

— И всегда получал зачет, заметь.

— Я подаюсь в аспирантуру, — сказала Астрид. — Тема почти готова. Женские прорицательницы дохристианской Скандинавии и влияние ритуального пения на коллективное сознание.

— Никто ничего не понял, но звучит впечатляюще, — кивнул Тео, поднимая большой палец.

— А ты, Тео? — спросила Андреа. — Кроме флирта с отличницами у тебя есть план?

Он театрально прижал ладонь к груди.

— Во-первых, это не флирт, а тонкая дипломатия. Во-вторых, у меня уже есть стажировка в издательстве. Если всё сложится — останусь там.

— Конечно сложится, — фыркнула Астрид. — Ты умеешь очаровать любого.

— Не любого, — заметил он и выразительно посмотрел на меня.

Я сделала вид, что занята пастой.

— Эйлин, твоя очередь, — попросила Андреа.

Я пожала плечами.

— Я правда думаю вернуться в Рейкьявик. Хочу побыть с отцом. И, наверное, попробовать найти работу по специальности. Архив, университет, музей... что-нибудь, где есть тексты, рукописи и минимум людей.

— Нет, вы только послушайте её, — простонал Лео. — Мы два года учились, чтобы в итоге Эйлин добровольно ушла жить в архивную нору.

— Это называется призвание, — важно заметила Астрид. — Не всем же строить карьеру на умении красиво улыбаться туристам.

— Зависть тебе не к лицу, — парировал Лео.

Андреа оперлась локтями о стол и посмотрела на меня внимательнее.

— А если серьёзно? Только работа и папа? Никаких безумств? Переезд в другую страну? Книга? Роман с профессором? Тайная вторая жизнь?

Все расхохотались, а я лишь закатила глаза.

Дальше вечер незаметно превратился в настоящую пьянку. Сначала всё выглядело вполне прилично: тосты, смех, воспоминания о преподавателях, обсуждение того, кто на защите выглядел самым обреченным. Потом бокалы начали пустеть быстрее, чем официанты успевали приносить новые.

Лео уже в третий раз рассказывал историю о том, как перепутал аудитории и полтора часа просидел на лекции по экономике, так и не поняв своей ошибки даже после слов «рынок капитала». Астрид, покрасневшая и ещё более шумная, чем обычно, пыталась доказать двум парням за соседним столом, что женщины викингов были куда страшнее самих викингов.

— Да я вам сейчас список источников напишу! — грозно пообещала она, размахивая вилкой.

Тео то и дело заказывал всем ещё по одной. Музыка стала громче. Людей в зале прибавилось. Кто-то уже танцевал между столами, цепляя стулья и то и дело извиняясь перед пострадавшими посетителями. После месяцев напряжения внутри словно отпустило туго натянутую пружину. Защита, учеба, бесконечные дедлайны, бессонные ночи, сомнения — всё позади.

На столе появилась водка.

Потом ещё одна бутылка.

Потом шоты.

Астрид встала, подняв рюмку над головой, и торжественно объявила:

— За женщин науки, которым слишком долго мешали блистать!

Ей заплодировали даже поддатые незнакомцы у бара.

Я послушно подняла свою рюмку, коснулась чужих и, пока все запрокидывали головы, незаметно вылила содержимое в почти пустой пивной стакан Лео. Он ничего не заметил и героически выпил всё залпом следом за водкой, уверенный в собственной стойкости.

Напиваться вдрызг было не в моём стиле. Я терпеть не могла это чувство, когда голова становится чужой, язык тяжелым, а утро приносит смутный ужас: что я вчера сказала? с кем говорила? не опозорилась ли?

Поэтому после второй рюмки я тихо перешла на воду. Я налила её в свой стакан из-под водки и продолжала делать вид, что иду со всеми в одном темпе. Конечно, никто бы ничего не заметил даже если бы я наливала апельсиновый сок.

Тео уже спорил с Лео, кто из них привлекательнее для женщин после полуночи. Андреа снимала это на телефон, едва держась от смеха. Астрид обнималась с какими-то туристками и учила их произносить древнеисландские слова так, будто от этого зависела их жизнь.

А я сидела среди этого шумного, пьяного хаоса и вдруг поймала себя на странной нежности ко всем ним. Через несколько недель я уеду в Рейкьявик. Они останутся здесь вместе с этим баром, запахом алкоголя, мокрыми куртками на спинках стульев, глупыми шутками и ощущением, будто нам все еще по двадцать и впереди расстилается бесконечная жизнь.

Тогда я ещё не знала, что именно этой ночью всё пойдёт совсем не по плану.

Глава 2. Нарушение правил

«Мудрому гостю пора уходить вовремя».

— *«Речи Высокого».*

К полуночи даже Астрид начала путаться в собственных тостах, а это уже было серьёзным показателем того, что вечер пора сворачивать. Музыка всё ещё гремела, бар шумел, но энергия праздника уже сменилась той стадией, на которой люди либо становились чрезмерно любвеобильными, либо резко вспоминали, что у них есть пределы.

Тео относился к первым. Он стоял рядом со мной, опираясь рукой о стену так, будто позировал для рекламы мужского парфюма, пытаясь не завалиться набок.

— Я всегда знал, что ты гений, — сообщил он с той пьяной серьёзностью, которая обычно предшествует катастрофе. — Просто теперь у меня имеется официальное подтверждение.

— Мне приятно твое высокое мнение обо мне, — ответила я, поправляя пальто.

Он усмехнулся, шагнул ближе и вдруг решил, что момент идеально подходит для прощального поцелуя.

Я успела отвернуться ровно за секунду до столкновения. Вместо романтической сцены Тео почти впечатался носом мне в щёку и всем весом начал заваливаться вперёд.

— О боже, — выдохнула я, еле успевая подхватить его за плечи.

Он был гораздо тяжелее, чем выглядел. Я пошатнулась, удерживая на себе это внезапно размякшее мужское тело, пахнущее табаком, алкоголем и самоуверенностью.

— Ты меня отвергла, — трагически сообщил он куда-то мне в воротник.

— Нет, Тео. Я спасла нас обоих от сотрясения мозга.

Сзади раздался хохот Астрид.

— Она тебе ещё мягко отказала! — крикнула она, держась за стол.

Пока я пыталась вернуть Тео в вертикальное положение, взгляд случайно зацепился за дальний угол бара. Лео стоял, согнувшись пополам, одной рукой упираясь в стену, а второй держась за живот с выражением глубокого раскаяния на лице. Его только что настигла расплата за весь вечер.

Рядом Андреа спокойно придерживала его за плечо и похлопывала по спине.

— Дыши носом, герой, — невозмутимо говорила она. — И постарайся не умереть, мне ещё тебя домой тащить.

— Я вижу свет... — простонал Лео.

— Это вывеска над выходом.

Я невольно рассмеялась.

На улицу мы вывалились шумной, помятой и заметно пополнившейся компанией. Холодный ночной воздух ударил в лицо так резко, что я впервые за несколько часов почувствовала себя по-настоящему трезвой. После духоты бара голова сразу прояснилась.

— Никто никуда сам не идёт, — объявила я тоном человека, которому неожиданно досталась должность ответственного взрослого.

— Есть, мамочка, — пробормотал Лео, всё ещё бледный после недавней встречи с последствиями собственного героизма.

Я проигнорировала его и достала телефон.

Сначала я посадила в такси Андреа и Лео. Она практически затолкала его внутрь сама, бросив мне благодарный взгляд.

Следующими уехали Астрид и ещё двое ребят из бара, внезапно ставшие ей лучшими друзьями за последние сорок минут. Она высунулась из окна машины и прокричала что-то про женскую солидарность и блестящее будущее, после чего такси скрылось за поворотом.

С Тео пришлось сложнее. Он настаивал, что абсолютно трезв, затем попытался обнять дорожный знак, назвав его «мужиком с характером», после чего я без лишних споров открыла ему дверь следующей машины и помогла сесть внутрь.

— Ты разбиваешь мне сердце, Эйлин, — печально сообщил он, пока водитель пристегивал его ремнём.

— Ты это переживешь.

Когда красные огни последнего такси растворились в темноте, улица неожиданно опустела. Я осталась одна. Можно было вызвать машину и себе, но воздух был таким свежим, а ночь — такой красивой. Не хотелось сразу возвращаться домой.

Я убрала телефон в карман пальто и пошла вдоль улицы медленным шагом.

Город дышал тишиной. Где-то скрипнула вывеска на ветру. Издалека доносился крик чаек. Снежные вершины в темноте едва угадывались силуэтами, а вода Эйяфьордур поблёскивала редкими отблесками фонарей. После шумного бара эта пустота казалась почти роскошью. Я глубоко вдохнула, позволяя холоду вымыть из себя запах алкоголя, чужих духов и громкой музыки.

Минут через десять вдалеке показались фары. Редкое для такого часа такси медленно катилось по пустой улице. Я подняла руку, машина притормозила рядом, и шины тихо прошуршали по влажному асфальту.

Я прищурилась, глядя на водителя через приоткрытое окно. Ночной тариф, редкая машина, пустые улицы. Он прекрасно понимал, что выбора у меня немного, и назвал высокую цену за поездку. На секунду во мне привычно шевельнулась бережливость. Я слишком долго считала каждую крону: аренда домика, еда, книги, редкие поездки в Рейкьявик, университетские сборы. Но черт возьми, сегодня я защитила диплом на высший балл. Один вечер. Одна поездка. Мой кошелек от этого не опустеет.

— Ладно, — сказала я, открывая дверь. — Поехали.

Я скользнула внутрь, стянула перчатки и назвала адрес своего домика у берега Эйяфьордур. Водитель кивнул, машина мягко тронулась с места, а огни ночного Акюрейри поплыли за стеклом назад. Я откинулась на сиденье, чувствуя, как усталость наконец догоняет меня.

В ногах приятно ныло после долгого дня, в голове шумело от музыки, смеха и чужих голосов, но это был уже мягкий, убаюкивающий шум. Завтра впервые за долгое время мне никуда не нужно было спешить. Никаких дедлайнов. Никаких научных руководителей, никаких правок, писем и тревожного взгляда на часы. Свободный день.

Я сразу решила, что поеду на конюшню за городом. Там меня ждала моя любимица — невысокая гнедая исландская лошадь по кличке Соль. Упрямая, умная и слишком хорошо чувствующая настроение человека. Если я приезжала раздраженной, она демонстративно отворачивалась и вела себя как последняя сволочь. А если я была спокойна, она сама тянулась мордой к моим карманам за яблоками.

Мы часто уходили с ней в поля за Акюрейри, где земля открывалась ветру и горизонту. Я могла часами скакать по траве, слушая только стук копыт и крики птиц над фьордом. Особенно я любила, когда хозяин разрешал пустить её в тельт — тот особенный плавный аллюр, которым так славятся исландские лошади. В такие моменты мне казалось, что я летела, скользила над землей. Да, именно так я и проведу завтра.

Неприятное, острое предчувствие возникло так внезапно, будто кто-то ледяной рукой коснулся моего затылка. Я резко выпрямилась на кресле, окончательно сбрасывая остатки сонливости. Что-то было не так.

Я быстро огляделась. Телефон лежал рядом. Сумка стояла у ног. На экране приложения маршрут уверенно тянулся к моему дому у Эйяфьордур. За окном мелькали знакомые улицы ночного Акюрейри. В салоне было тепло, тихо, пахло освежителем воздуха и влажной шерстью моего пальто.

Всё было нормально. Но тревога не уходила. Наоборот — поднималась всё выше, расплзалась по груди и сдавливала рёбра изнутри. Сердце заколотилось так сильно, что я чувствовала каждый его удар. Ладони вспотели. Воздуха вдруг стало мало.

Это было не обычное беспокойство. Не моя привычная тревожность, которая любила придумывать катастрофы из ничего. Это было другое: чистый, животный страх. Я подалась вперёд, уже открывая рот:

— Простите, можете остановить...

Договорить я не успела. Машину резко повело в сторону. Настолько внезапно, что меня швырнуло плечом в дверь. За окнами огни города сорвались в смазанную линию. Шины пронзительно завизжали по мокрому асфальту.

Водитель выругался и вцепился в руль. Только сейчас до меня дошло, с какой скоростью мы неслись. Сто двадцать, не меньше. Может, больше.

Меня качнуло обратно. Потом снова вбок. Всё тело вжало в сиденье. Время словно замедлилось. Я не успела подумать, как тело сработало само. Я рванулась вперёд, вытянула руки по бокам от переднего сиденья и обхватила водителя, прижимая его к креслу, чтобы его не выбросило вперёд при следующем рывке.

Ещё один занос. Машину закрутило, и металл жалобно задрожал под нами. За боковым стеклом мелькнула тёмная пустота обочины, а дальше — склон вниз, к чёрной воде фьорда.

Меня прошиб ледяной ужас. Если сорвёмся туда, до утра нас никто не найдёт.
— Руль! Держите руль! — выкрикнула я, сама не узнавая собственного голоса.

Пальцы впились в ткань его куртки. В салоне запахло жжёной резиной. Что-то в багажнике глухо ударилось о стенку. Машину трясло так, будто она вот-вот развалится на части.

Машину вынесло к самому краю дороги, и я увидела перед собой серую линию отбойника, стремительно летящую нам навстречу. Всё произошло за долю секунды, но сознание растянуло этот миг до мучительной бесконечности.

Металл встретился с металлом, и нас швырнуло вперёд. Ремень больно впился мне в грудь, голову резко дернуло, зубы сильно клацнули друг о друга. Водителя вжало в руль, и стекло перед нами покрылось паутиной трещин.

Машина с визгом и скрежетом продолжала нестись вдоль отбойника, высекая искры. Корпус трясло, будто кто-то гигантской рукой пытался разорвать его на части. Меня мотало из стороны в сторону, но пальцы всё ещё судорожно сжимали плечи водителя.

Сейчас этот металл не выдержит, нас перекинет через край, и дальше будет только чёрная вода внизу. Но отбойник выдержал. Старый, поцарапанный, местами ржавый, он дрожал под ударом, гнулся, скрежетал, но держал нас на дороге. Скорость начала падать.

Сначала сто двадцать превратились в неуправляемый рывок, потом в тяжёлое скольжение, потом в дёрганое, болезненное торможение. Последний толчок бросил нас вперёд ещё раз, и машина наконец замерла, перекосившись поперек полосы.

Наступила тишина. В ушах звенело. Только двигатель хрипло тарахтел где-то впереди, а из-под капота поднимался тонкий пар.

Я не сразу поняла, что всё ещё жива. Руки дрожали так сильно, что я не могла их разжать. Сердце колотилось где-то в горле. Каждый вдох давался с усилием. Если бы не этот отбойник, нас бы там уже уносило течением.

Я медленно отпустила водителя и услышала собственный голос — хриплый, чужой:
— Вы... живы?

В ответ раздалось только неровное шипение двигателя и какой-то тонкий, мерзкий треск металла спереди машины.

Я заставила себя разжать руки. Пальцы свело так сильно, будто я выросла ими в ткань его куртки. Дверь я открыла не сразу. Сначала дёрнула ручку мимо, потом всё же попала и буквально вывалилась наружу на ватных ногах. Холодный воздух ударил в лицо. Меня качнуло, колени предательски дрогнули, но я устояла.

От машины ничего не осталось. Капот был смят, одна фара висела на проводах, из-под решётки поднимался сероватый пар. На асфальт что-то капало — масло, бензин или ещё что-то — мне совсем не хотелось выяснять.

Последние разумные клеточки мозга отчаянно вопили: отойди от машины. Немедленно. Повреждение мотора опасно. Но водитель оставался внутри.

Я обошла капот, стараясь не смотреть на искореженный отбойник и чёрный склон за ним, открыла водительскую дверь и заглянула в салон.

Он обмяк на сиденье, его голова бессильно свесилась набок. И, конечно, он не был пристёгнут. О чём он думал? Что бессмертен? Что аварии случаются только с другими?

Сдерживая дрожь в руках, я прижала пальцы к его шее. Несколько бесконечных секунд я ничего не чувствовала, и внутри у меня всё оборвалось, но потом под кожей слабо, неровно толкнулся пульс.

Живой.

Я ухватила его под подмышки и потянула на себя. Мужчина оказался тяжёлым. Очень тяжёлым. Гораздо тяжелее Тео, которого мне уже приходилось ловить этим вечером. Второй мужчина за ночь. Отличная статистика.

С первой попытки ничего не вышло. Со второй тоже. На третьей он наконец соскользнул с сиденья, и мы оба рухнули на мокрый асфальт. Он завалился на бок, я больно ударилась бедром и сквозь зубы выругалась, тут же мысленно извинившись перед бессознательным телом за отсутствие деликатности.

Я снова подхватила его под руки и начала тащить прочь от машины. Каблуки скользили, ладони горели, мышцы рук сводило. Каждый метр давался с трудом. Один. Ещё один. Ещё. Я чувствовала, как внутри всё дрожит от адреналина и усталости. Спина ныла, дыхание сбивалось, перед глазами темнело.

Наконец я отпустила его примерно метрах в десяти от машины. Может, в восьми. Может, в двенадцати. Надеюсь, этого этого хватит. Я рухнула рядом на колени и жадно втянула ледяной воздух. Лёгкие жгло. Сердце колотилось где-то в горле. Несколько секунд я просто стояла на коленях, пытаюсь вспомнить, как дышать. Потом до меня дошло главное. Черт, скорая!

Я судорожно полезла в карман пальто. Ткань была мокрой, испачканной грязью и чем-то липким — я очень надеюсь, что это не кровь. Пальцы скользили, не слушались, цеплялись за подкладку. На секунду мне показалось, что телефона там нет, и паника снова полоснула по груди.

— Только не сейчас... пожалуйста.

Со второй попытки я нащупала смартфон и выдернула его наружу. Экран покрылся трещинами, но светился. Спасибо всем возможным богам.

Я едва попала в нужные цифры дрожащими пальцами и поднесла телефон к уху. Гудок. Ещё один.

— Служба спасения, слушаю вас.

Женский голос прозвучал спокойно и ровно.

— Авария, — выдохнула я. — У нас авария. Машину занесло... мы врезались... водитель без сознания, но пульс есть.

— Назовите ваше местоположение.

Я обернулась на дорогу, на чёрную воду внизу, на редкие огни вдаль. Голова на секунду опустела.

— Трасса вдоль Эйяфьордур... выезд из Акюрейри в сторону северного берега... недалеко от старого поворота на конюшни, — выпалила я, цепляясь за знакомые ориентиры.

— Вы в безопасности?

Я посмотрела на искореженный автомобиль, из-под капота которого всё ещё тянулся пар.

— Не уверена.

— Отойдите дальше от машины. Помощь уже направлена. Оставайтесь на линии.

Я сглотнула и поднялась на дрожащие ноги. Телефон скользил во влажной ладони.

— Хорошо.

Сделав несколько шагов назад, я снова посмотрела на лежащего мужчину. Только бы он не умер у меня на глазах. Я заставила себя сделать несколько ровных вдохов и, всё ещё сжимая телефон в дрожащей руке, повернулась к отбойнику.

За ним начиналась темнота. Густая, живая, почти осязаемая. Склон уходил вниз к воде, где в чёрной глади Эйяфьордур едва дрожали редкие отблески далёких огней. Где-то в стороне шумел ветер, перекатываясь по камням и сухой траве. Я вглядывалась в эту погружённую во мрак природу и вдруг ясно почувствовала её полное равнодушие.

Ей не было никакого дела до разбитой машины, до бессознательного водителя, до моей дрожи, страха и ссадин на ладонях. До маленького человека, едва не исчезнувшего несколько минут назад. Она жила по своим законам. Самостоятельная, властная, древняя.

Горы стояли неподвижно, будто и не заметили нашего удара. Вода всё так же дышала темнотой. Ветер так же свободно гулял над дорогой, не задерживаясь ни на секунду. Я всегда

любила север именно за это — за ощущение силы, которая существует без нас и переживет нас всех. Но сейчас эта мысль не успокаивала. Наоборот.

Рядом с такой природой человеческая жизнь казалась пугающе хрупкой. Слишком легкой вещью, которую можно сломать одним неверным движением руля. Я обхватила себя свободной рукой, пытаюсь согреться, подняла голову и посмотрела вдоль дороги. Пусто. Ни фар вдалеке. Ни синего мигания полиции. Ни белого света скорой помощи. Только чёрная лента асфальта, уходящая в ночь между скалами и водой.

Сколько прошло времени? Пять минут? Десять? Полчаса?

Я снова посмотрела на экран. Он светился трещинами, и цифры расплывались перед глазами. Я моргнула несколько раз, пытаюсь сфокусироваться.

Двадцать минут. Где они? Разве в маленьком городе помощь не приезжает быстрее? Или я настолько неверно объяснила место? Или связь оборвалась? Или...

Мысль о том, что водитель может умереть, пока я стою и считаю минуты, заставила меня резко обернуться к нему. Он всё ещё лежал на боку там, куда я его оттащила. Неподвижный. Только грудная клетка слабо поднималась и опускалась.

Жив. Пока жив.

Я шагнула к нему, но остановилась на полпути. Голова вдруг закружилась. Адреналин начал отступать, оставляя после себя слабость и ватную пустоту в теле. Колени дрогнули. Я схватилась за холодный металл отбойника и снова повернулась к фьорду, лишь бы не рухнуть прямо на мокрый асфальт. Ветер шел от темной воды Эйяфьордура, сырой и злой, бил в лицо, лез под воротник и путал волосы.

Я не сразу поняла, что слышу чью-то речь. Сначала звуки вплелись в шум ветра, в треск двигателя, в гул крови у меня в ушах.

— Она сделала это специально, — произнёс один голос. Низкий, холодный, с резкими гортанными нотами.

По спине медленно пополз ледяной холод.

— Посмотри на неё, — ответил второй голос, чуть моложе. — Она даже не похожа на нас. Может, нас зря отправили.

Я застыла, а потом медленно, очень медленно я подняла голову и посмотрела вдоль дороги еще раз. Пусто. Ни машин. Ни скорой. Ни полиции. Ни света фар на километры вперед и назад.

Тогда я обернулась. В нескольких шагах от меня стояли две женщины.

Высокие, широкоплечие и неподвижные, как скалы за их спинами. На них были меховые плащи, перехваченные кожаными ремнями. Та, что стояла слева, была почти на голову выше меня. Светлые волосы, тяжелые и мокрые, были заплетены в несколько тугих кос, стянутых металлическими кольцами. За ее спиной висел длинный лук и колчан со стрелами: не сувенирный реквизит для туристов — настоящее оружие. Я видела потёртости на древке, царапины на наконечниках, тёмные пятна, слишком похожие на старую кровь. Когда-то в школе я занималась стрельбой из лука, мне хотелось быть как Китнисс Эвердин.

Вторая была ниже ростом, но крепче сложена. Её темные волосы выбились из косы и липли к щекам. В руке она держала кинжал с широким лезвием, тоже не похожий на бутафорский сувенир. На их одежде виднелась засохшая у подола, въевшаяся в швы черная грязь, а открытые руки покрывали ссадины.

Сначала я попыталась объяснить происходящее самым простым и разумным способом. Где-то неподалёку проходил исторический фестиваль или реконструкция. В Исландии люди способны устраивать праздники в самых неожиданных местах и с пугающей серьезностью относиться к деталям. Возможно, рядом снимали сериал. Возможно, это был какой-нибудь ночной косплей, в который меня случайно занесло вместе с разбитым такси и нервным срывом.

Или я всё-таки ударилась головой сильнее, чем думала, и теперь мой мозг показывал мне особенно неудачный сон по мотивам собственной диссертации. Очень в моём духе. Потратить годы на руническую поэзию, чтобы в итоге словить галлюцинацию с женщинами из саг посреди трассы.

Я даже почти ухватилась за эту мысль. Но чем дольше я смотрела на них, тем быстрее рассыпались все попытки объяснить увиденное. Ни один реконструктор не смотрел бы так. Ни один актёр не держал бы оружие с такой естественной привычкой. Ни один сон не был бы настолько подробным.

Ноги приросли к асфальту. Темноволосая девушка двинулась ко мне первой. Медленно, без той лишней настороженности, которая свойственна обычным людям рядом с местом аварии, кровью и незнакомкой с безумными глазами. С каждым её шагом мне казалось, будто воздух вокруг становится тяжелее, гуще, словно сама ночь собиралась вокруг неё плотнее. Она подошла ближе, и я уловила запахи сырой земли, железа и дыма.

Кинжал в её руке был опущен вниз, и я заметила темные пятна на рукояти. Грязь, или все-таки кровь? Она остановилась в метре от меня.

Теперь я могла рассмотреть её лицо. Высокие скулы и обветренная грубоватая кожа человека, привыкшего к жизни под открытым небом. На подбородке блестел тонкий старый шрам. Серые, почти бесцветные глаза, внимательные и жёсткие, исследовали меня. Никакой растерянности от того, что посреди ночи на пустой дороге стоит девушка рядом с разбитой машиной и полубессознательным водителем.

— Кто тебя послал?

Я моргнула.

Дождь стекал по шее за воротник. Из всех возможных вопросов, которые можно было задать девушке после аварии, этот оказался последним, к которому я была готова.

Я открыла рот. И закрыла.

Она быстрым шагом подошла ко мне вплотную и прижала кинжал к моему горлу.

— Я спросила, кто тебя послал?

Глава 3. Отправная точка

«Лучшие живым быть, нежели мёртвым».

— Один, «Речи Высокого».

Я отшатнулась так резко, что каблук заскользил по мокрому асфальту. Лезвие всё ещё холодило кожу под подбородком, и от этого прикосновения по телу прошла волна животного ужаса. Я сделала медленный шаг назад, но тут же уперлась в металлический ограничитель. Дальше отступать было некуда.

Я боялась сглотнуть. Боялась дышать слишком глубоко. Боялась моргнуть, чтобы не пропустить движение её руки.

— Что? — выдохнула я, ненавидя собственный дрожащий голос. — Что вы от меня хотите?

Темноволосая не отводила от меня взгляда. Она усмехнулась и покачала головой.

— Фрейя? — произнесла она, будто проверяя мою реакцию. — Её дети? Кто научил тебя вмешиваться?

Я уставилась на неё, не сразу понимая смысл слов.

Фрейя. Богиня любви, войны, магии сейдра, половины павших воинов и примерно половины моей магистерской библиографии. Это было настолько нелепо, что мозг попытался ухватиться за смех как за спасательный круг. Не вышло.

— Я не понимаю, о чём вы, — сказала я уже громче, стараясь вернуть себе хоть каплю достоинства. — Вы сумасшедшие? Это какая-то шутка? Если да, то ужасно не смешная.

Светловолосая до этого молчала. Теперь она медленно повернула голову к разбитой машине.

— Водитель должен был умереть, — сказала она спокойно.

У меня внутри всё похолодело.

— Что?

— Его руна шла к разрыву, — продолжила светловолосая, будто объясняла очевидное ребёнку. — Руна должна была закрыться.

— Руна...она... что?

— Ты удержала её, — сказала темноволосая. — Мы это почувствовали.

Я нервно рассмеялась.

— Нет. Нет, послушайте. Я ничего не удерживала. Машину занесло, мы врезались, я вытащила человека. Всё. Никаких рун, нитей и богинь. Вы ошиблись адресом.

Темноволосая сделала шаг ближе. Кинжал она уже убрала, но легче от этого не стало.

— Ты не понимаешь, что сделала.

— Да, представьте себе, не понимаю! Потому что это бред!

Мой голос сорвался на крик. Страх начал превращаться в злость — нервную, бесполезную, но всё же злость.

— У меня была авария! Я вызвала скорую! Там лежит человек без сознания! А вы несёте какую-то мифологическую бессмыслицу посреди трассы!

Светловолосая посмотрела на меня так, будто я заговорила на языке птиц.

— Она правда не знает, — тихо сказала она напарнице.

— Или хорошо притворяется, — отрезала темноволосая.

Сначала далеко, потом ближе раздалось воюющие звуки. Сирены. Синие и красные вспышки мелькнули вдали, отражаясь в мокром асфальте. Свет полоснул по скалам, по отбойнику, по искорёженной машине. Облегчение накрыло меня с головой. Вот и всё.

Сейчас приедут полиция и скорая. Сейчас кто-нибудь увидит этих женщин, задаст нормальные вопросы, проверит документы, вызовет психиатров или съёмочную группу — что угодно, лишь бы вернуть миру привычные очертания.

Обе девушки одновременно напряглись, видимо оценивая ситуацию.

— Поздно, — сказала темноволосая.

Другая девушка уже снимала лук со спины.

— Берём её.

Я даже не сразу поняла, что речь обо мне. Всё произошло так быстро, что я не успела ничего сделать. Светловолосая вскинула руку первой, и я подумала, что она тянется за стрелой. В тот же момент другая шагнула ко мне, и я инстинктивно рванулась в сторону, но ее пальцы мертвой хваткой сомкнулись на моём запястье.

Я вскрикнула и попыталась выдернуть руку, но в ту же секунду вторая ладонь вцепилась мне в плечо. Асфальт ушёл из-под ног. Мне казалось, что я падаю: желудок провалился вниз, дыхание снова сорвалось, но падения не было. Наоборот, меня рвануло вверх с такой силой, что в глазах вспыхнули белые точки.

Мы поднимались. Нет. Мы взлетали. Взлетали, черт возьми!

Мокрая исландская дорога стремительно уходила вниз. Разбитое такси с вмятым капотом, красные и синие огни скорой, фигуры людей, выбегающих из машин, отбойник, чёрная лента трассы — всё уменьшалось с пугающей скоростью.

Я увидела фьорд целиком. Эйяфьордур лежал внизу тёмным изогнутым лезвием между гор. Береговые огни мерцали золотыми точками. Скалы, которые минуту назад казались гигантскими, превращались в игрушечные.

— Нет! Нет! Остановитесь! — закричала я, но ветер тут же унес мои слова.

Дождь превратился в ледяные шипы. Они били по лицу, резали кожу, залетали в рот, в глаза, за воротник. Волосы хлестали по щекам. Я задыхалась. Легкие не могли сделать полноценный вдох.

Никаких тросов, никакой техники, никаких объяснений. Всё человеческое, понятное, земное осталось внизу. Мой разум метался, все еще цепляясь за последние ниточки логики: нужно было меньше пить, а может кто-то подмешал что-то мне в вино?

Я подняла голову, рассчитывая увидеть там черный небосвод, но там зияло нечто другое. Огромная трещина света, прорезавшая темноту от горизонта до горизонта. Она переливалась цветами, как северное сияние, но была плотнее, ярче и ближе. Свет внутри неё тек, дышал, двигался, словно по ту сторону существовало море из огня и красок. Зелёные всполохи переходили в золото, золото в алый, алый в глубокий синий, и всё это вращалось, складывалось в узоры, которые мой мозг не мог удержать.

Боль ударила в грудь тонкой острой иглой. Пальцы онемели. Перед глазами поплыли черные круги.

— Она бледнеет, — донесся издали голос светловолосой.

— Держи её крепче.

Я хотела сказать, что не нужно, что я сама никуда не денусь, что я вообще не давала согласия участвовать ни в чём происходящем. Но язык не слушался.

Световая трещина раскрывалась все шире, и мы летели прямо в неё. Последнее, что я услышала перед темнотой, был раздраженный голос одной из девушек:

— Если Один узнает, он отдаст нас Нидхёгг*.

Один?...А потом я отключилась.

*один из нескольких великих змеев в скандинавской мифологии.

Глава 4. Тот, что из Марвел

«Биврёст — мост, соединяющий Асгард с Мидгардом; он краснее огня и крепче, чем кажется.»

— *Снорри Стурлусон, «Младшая Эдда».*

Я очнулась не сразу и даже не сразу поняла, что действительно пришла в себя, потому что сознание возвращалось медленно, вязко, словно поднималось ко мне сквозь толщу холодной воды. Тело казалось тяжелым и почти чужим, будто за время моего отсутствия оно успело отвыкнуть от меня, а теперь неохотно принимало обратно.

Открыть глаза я не могла. Веки налились такой усталостью, что казались неподъемными, и я лишь беспомощно лежала в темноте, прислушиваясь к собственному дыханию и пытаясь понять, где нахожусь. В груди отзывалась тупая боль, как после сильного удара, руки ломило, а во рту стоял сухой металлический привкус.

Я была жива, и эта мысль пришла первой, но почему-то не принесла облегчения. Собрав остатки сил, я заставила себя пошевелиться. Руки подчинились не сразу и двигались с той слабостью, ленивой вялостью, какая бывает после тяжелой болезни или бессонной ночи, проведенной в лихорадке. Пальцы медленно скользнули в стороны, ощупывая поверхность, на которой я лежала.

Где-то глубоко внутри я почти ожидала наткнуться на знакомую тяжесть моего одеяла — плотного, мягкого, слишком дорогого для студенческого кошелька и потому особенно любимого. Я купила его на последнюю стипендию, потом две недели экономила на еде и ни разу об этом не пожалела. Но вместо ткани под пальцами оказалось что-то совершенно иное.

Поверхность была прохладной, безупречно гладкой и ровной, настолько ровной, что казалась неестественной. Я провела ладонью ещё раз, медленнее, надеясь найти хоть какую-нибудь шероховатость, складку, шов или край, но не ощутила ничего, кроме холодной гладкости, словно лежала на огромной пластине только что отполированного стекла.

— Опа, очнулась. Жаль. Я уже почти выиграл спор.

Мужской голос, прозвучавший совсем рядом, заставил меня мгновенно отдернуть ладони от гладкой поверхности и распахнуть глаза раньше, чем я успела подготовиться к тому, что увижу.

Лицо, склонившееся надо мной слишком близко, заставило меня вздрогнуть. Я дёрнулась всем телом и резко приподнялась на локтях, отползая и ощущая, как в висках отзывается болью слишком поспешное движение.

Передо мной стоял мужчина. Высокий, крепко сложенный, с той естественной уверенностью в теле, которая приобретается не в спортзале, а рождается вместе с человеком. Его длинные тёмные волосы были убраны назад в небрежный хвост, несколько влажных прядей выбились и спадали вдоль скул.

Лицо казалось неправильным в своей гармонии. Оно было слишком выразительным для мраморной статуи и слишком красивым для живого человека, которому положено иметь хотя бы один недостаток. Чёткая линия челюсти, высокие скулы, прямой нос и темные глаза с каким-то насмешливым блеском. Черты не отличались нежностью и мягкостью, но в них было что-то привлекательное.

На нем была черная одежда из плотной ткани и кожи, с металлическими застежками у плеч и предплечий. Крой и посадка выглядели идеальными, похоже костюм был сшит по личным меркам. Я моргнула несколько раз, пытаясь вернуть глазам трезвость, но он никуда не исчез.

— Ух, не советую вставать так резко, — заметил мужчина с лёгкой улыбкой, скользнув взглядом по моему лицу. — Ты впечатляюще перенесла дорогу. Не хотелось бы, чтобы тебя стошнило сейчас.

Я села, поднимаясь с локтей. Пришлось вцепиться пальцами в сияющую гладкую поверхность под собой, чтобы не потерять равновесие. Грудь тяжело поднималась после резкого движения, сердце колотилось, а голова всё ещё отказывалась признавать происходящее частью реальности.

— Где я? Кто ты?

Два вопроса сорвались один за другим, почти одновременно, потому что я так и не смогла решить, какой из них сейчас важнее.

Он неторопливо выпрямился и задумчиво провел языком под нижней губой.

— Как бы тебе сказать... Между там, где ты была, и там, где тебе не очень понравится.

Я уставилась на него.

— Это не ответ.

— Напротив, прекрасный ответ. Просто тебе он, опять же, не нравится.

— Кто ты? — повторила я уже жёстче, чувствуя, как страх начинает уступать место раздражению. — И что происходит?

Он слегка склонил голову набок, разглядывая меня все с тем же любопытством.

— Локи.

Я смотрела на него в упор несколько долгих секунд, пытаясь понять, шутит он, издевается надо мной или я всё-таки умерла где-то на той дороге и теперь прохожу особенно странный этап загробной адаптации. Потом спросила первое, что пришло в голову:

— Как из Marvel?

Он замер.

Улыбка, до этого лениво державшаяся на его губах, застыла и заметно потускнела. На красивом лице появилось выражение почти оскорбленного недоумения. Он даже слегка поморщился, будто услышал что-то глубоко неприятное.

— Я не знаю, кто этот Marvel, — медленно произнес он, — но уже ненавижу его.

Я рассмеялась. Какой сюр. Меня похитили с исландской трассы две женщины из саг, забросили неизвестно куда через световую трещину в небе, а теперь мифологический бог обижался на поп-культурную адаптацию самого себя.

— Конечно. Разумеется. После летающих женщин с кинжалами почему бы не встретить Локи лично. Очень логично.

Он улыбнулся шире.

— Рад, что ты быстро адаптируешься. Это сэкономит нам обоим время.

С этими словами он плавно опустился передо мной на корточки так, что теперь наши лица оказались почти на одном уровне.

Я инстинктивно напряглась.

Он молчал и просто смотрел на меня. Сначала в глаза, потом ниже — на лицо, шею, плечи, на руки, всё ещё судорожно вцепившиеся в сияющую поверхность. Он задержался на испачканных грязью и чужой кровью рукавах пальто и на пальцах с потемневшими следами аварии под ногтями. Его взгляд не был похотливым, не был мягким, не был человечески теплым. В нём не ощущалось ни капли сочувствия к человеку, который, вероятно, пережил худшую ночь в своей жизни.

Он протянул руку, будто собирался коснуться моей ладони.

Я резко отдернула её, и это его развеселило.

— Живая реакция, — заметил он. — Уже хорошо. Валькирия, которая не знает, что она валькирия. Как свежо.

Я уставилась на него, решив, что предел абсурда всё-таки существует, просто я его ещё не достигла.

— Я не валькирия.

Он кивнул с видом человека, услышавшего что-то ожидаемое.

— Многие так говорят в первый день.

Я дёрнулась, когда он внезапно все-таки схватил меня за руку. Его пальцы быстро и крепко сомкнулись на моём запястье.

— Отпусти.

Я попыталась снова отдернуть ладонь, но он удержал её с раздражающей лёгкостью. Из складок его рукава блеснул металл.

Кинжал появился так внезапно, будто вырос из воздуха: узкое лезвие, тонкое, светлое, с едва заметными знаками у рукояти. Я не успела ничего сказать, когда он полоснул по моей ладони глубоко и резко.

Боль вспыхнула ослепительно ярко. Я вскрикнула и рванулась назад, но хватка не ослабла. Горячая кровь выступила мгновенно, скользнула по коже и сорвалась алыми каплями на сияющий пол.

А потом рассеченная кожа начала стягиваться прямо у меня на глазах. Края раны дрогнули, сомкнулись, словно их сшивали невидимой нитью изнутри. Кровь исчезала, впитываясь обратно в ладонь, и тонкая розовая линия побледнела и растворилась. Через несколько секунд на месте глубокого пореза не осталось ни следа, ни боли. Только тёплое покалывание под кожей.

Локи рассмеялся как человек, выигравший давно сделанную ставку.

— Ну вот. Я же говорил.

Он отпустил меня, и я мгновенно отдернула руку, прижимая её к груди, будто это могло вернуть происходящему хоть какие-то границы.

— Это сон, — выдохнула я. — Или сотрясение.

Он усмехнулся.

— У смертных замечательная способность объяснять чудо травмой головы.

— У смертных замечательная привычка не верить психопатам с ножами.

— Справедливо.

Я быстро огляделась и с удивлением осознала, что мы здесь не одни. Те две девушки стояли неподалёку. Светловолосая держалась прямо, с руками, скрещенными за спиной, и темно-волосая что-то говорила ей короткими рублеными фразами.

..вмешалась...

...уход смертного...

...изменила ход руны...

...замкнуть не получилось...

Я сцепила пальцы рук так сильно, что костяшки побелели от напряжения. Всё происходящее уже давно вышло за пределы нормального, но разум всё ещё отчаянно искал хоть что-то знакомое, за что можно было удержаться. За факты, логику и последовательность.

Авария была реальной. Водитель был реальным. Полиция и скорая тоже были реальными. Где-то там, на дороге, всё ещё существовал мир, где у событий были причины, а у людей — документы, имена и понятные обязанности.

— Мне нужно домой, — сказала я Локи, стараясь звучать твёрдо, хотя голос предательски дрогнул. — Там водитель. Там полиция. Мой отец...

— Домой ты вернешься, — произнес он спокойно, — когда мы поймём, что ты такое.

Он говорил, будто я была не человеком, а вещью, выброшенной морем на берег. Находкой, требующей изучения.

— Кто, — прошептала я, чувствуя, как пересохло в горле. — Не что. Кто.

Он выпрямился и плавным движением указал куда-то вперёд, за мою спину. Я обернулась. И только тогда поняла, что до сих пор почти не смотрела по сторонам. Пространство вокруг оказалось настолько невозможным, что у меня перехватило дыхание.

Мы стояли на мосту. Нет — слово *мост* было слишком маленьким и земным для того, что раскинулось передо мной. Под ногами тянулась широкая дорога из сияющего камня, прозрачного и золотистого одновременно. Внутри него текли световые жилы, переливаясь всеми цветами, будто северное сияние застыло и превратилось в твердую материю. Поверхность мерцала при каждом движении, отзываясь на шаги слабым живым светом.

Мост уходил на немыслимое расстояние, теряясь где-то в туманном свете горизонта. По обе стороны не было земли. Только бездонная пустота, в которой двигались облака, тени и звёзды. Иногда внизу вспыхивали целые россыпи огней, будто под нами медленно вращались другие миры.

Впереди возвышались ворота. Огромные, золотые, уходящие вверх так высоко, что взгляд не сразу находил их вершину. На створках переливались резные узоры: переплетения зверей, ветвей, рун и фигур в битве. Казалось, если смотреть слишком долго, изображения начнут двигаться. За воротами клубился белый свет. Я смотрела на всё это, чувствуя, как сознание снова начинает опасно покачиваться между ужасом и недоверием.

— Это... — голос сорвался, и мне пришлось сглотнуть. — Это Биврёст, да?

Я сама не верила, что произношу эти слова вслух. Биврёст. Мост между мирами, дорога богов. То, что могло существовать только в текстах, которые я переводила в библиотеке между полками с пыльными книгами.

Локи повернул голову ко мне и расцвел хитрой ухмылкой.

— Неплохие познания, — оценил он. — Тогда ты, наверное, в курсе, куда мы идем?

Глава 5. Город

«Асгард прекрасен, но даже золото его стен не скрывает, что здесь каждый — пленник своего долга.»

— *«Песня о Локи», Poetic Edda*

Локи протянул мне руку, и я на секунду замешкалась, задержав взгляд на его пальцах, но всё же приняла помощь — не из доверия и уж точно не из желания, а из чистой необходимости, потому что тело все еще предательски подводило, а ноги слушались хуже, чем мне хотелось бы.

Мы двинулись вперёд по мосту. Локи шел справа от меня, превращая путь в неторопливую прогулку, а сзади нашу небольшую процессию замыкали те самые две девушки, которых он называл валькириями. Их имён я так и не услышала, да и, если честно, сомневалась, что мне вообще когда-нибудь собирались их назвать.

Я не оборачивалась, но явно ощущала их присутствие. Взгляды валькирий прожигали мне затылок, лишённые всякого сочувствия. В этом ощущении было что-то унижительное. Я оказалась здесь не по своей воле, и никто не считал нужным это скрывать.

Я смотрела вниз, на то, как под подошвами расходятся тонкие переливы света, мягко откликающиеся на каждое движение, и одновременно судорожно перебирала в памяти всё, что знала о месте, куда меня вели. Я читала об этом. Переводила тексты, разбирала их на лекциях, спорила о трактовках, выписывала цитаты в тетради, стараясь уловить структуру и закономерность. Но всё это всегда оставалось частью исследования, частью безопасной системы знаний, существующей только на страницах книг, в конспектах и чужих формулировках, которые можно было разобрать, разложить по пунктам, защитить на комиссии и закрыть, получив оценку. Но сейчас это знание перестало быть теорией.

Асгард. Это слово всегда звучало для меня тяжело и основательно, даже когда я произносила его вслух в аудитории или писала в конспектах. За ним стояла не просто география мифа, а целая система, выстроенная вокруг власти, силы и порядка, который не обсуждался и не оспаривался. Нам говорили о нем с почти благоговейной осторожностью, постоянно подчеркивая, что Асгард нельзя воспринимать как просто «город богов». Это был центр управления, точка, в которой сходились нити миров. И над всем этим стоял Один, имя которого я уже слышала от валькирий. Неужели и он существует?

Я машинально провела языком по пересохшим губам, чувствуя, как внутри поднимается холодное, неприятное напряжение. Потому что Один в моих записях никогда не был «величественным отцом богов» в том упрощённом, почти декоративном смысле, который любили давать популярные пересказы. Он был фигурой куда более сложной и, если честно, куда более пугающей.

Бог войны, да. Бог мудрости — формально. Но в первую очередь он был одержим знанием, за которое был готов платить буквально собственной жизнью. Я слишком хорошо помнила отрывок из «Хавамала», который мы разбирали почти целую пару: Один, висящий на мировом древе Иггдрасиль девять ночей, пронзенный копьем, без пищи и воды, на грани между жизнью и смертью, лишь бы обрести высшую мудрость, магическую силу и понять тайны рун, позволяющие управлять чужой судьбой. От этого образа я невольно поежилась.

Не с грохотом и не с тяжёлым скрипом, как я ожидала, а почти бесшумно, медленно расходясь в стороны, ворота приглашали нас войти. В щель между створками прорвался свет — сначала узкой полосой, ослепительно яркой, заставившей меня невольно прищуриться, а затем всё шире, заполняя собой пространство перед нами и постепенно вытесняя остатки ночи Бивреста.

Когда глаза привыкли к этому свету, так резко контрастирующему с темнотой, из которой мы вышли, я наконец смогла рассмотреть Асгард. Пространство за воротами не просто продолжалось, оно уходило дальше и выше, разворачиваясь каскадами, ярусами и террасами, соединёнными широкими лестницами и мостами. Многочисленные здания тянулись вверх стройными, почти вытянутыми линиями, и их стены покрывали те же узоры, что я видела на воротах, только здесь они становились ещё сложнее и плотнее, переплетаясь так, будто весь город пронизывала единая система знаков.

Где-то высоко над всем этим поднимались башни — острые, вытянутые, словно стремившиеся пробить само небо, и их вершины терялись в мягком, рассеянном сиянии. Свет здесь был другим. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы уловить разницу: он был ровным, насыщенным, словно исходил не только сверху, с неба, но и от самих поверхностей — от камня, крыш, воздуха. Тени не ложились привычно под ноги, не тянулись за объектами, как я ожидала, и, пытаясь нащупать их взглядом, я на секунду потеряла ориентацию, зацепилась носком за неровность и едва не полетела вперёд.

Локи успел подхватить меня раньше, чем я окончательно потеряла равновесие. Я выпрямилась, резко убирая руку, и сделала вид, что всё под контролем, хотя сердце на секунду сбилось с ритма.

— Впечатляет?

Я кивнула. Людей здесь было гораздо больше, чем я ожидала. Они заполняли широкие улицы и террасы, двигались между зданиями, поднимались по лестницам и переговаривались. Они отличались друг от друга по возрасту, по внешности, по одежде, но в то же время в них было что-то общее, ускользающее от меня. Наверное, это был взгляд, такой спокойный, прямой, лишенный той рассеянной неуверенности, к которой я привыкла среди обычных людей.

На некоторых были доспехи, сверкавшие в мягком свете, на других — длинные одежды, свободные, но аккуратно скроенные, сдержанных оттенков. Я заметила и валькирий. Отличить их было легко по меховой отделке, по заплетенным косам и по той самой уверенности в движениях. Они стояли в стороне, переговаривались с воинами и, кажется... пили пиво? Мысль показалась настолько неожиданной, что я на секунду замедлилась, пытаясь убедиться, что мне не показалось.

Я спрятала руки в карманы того, что уже с трудом можно было назвать пальто, и почувствовала, как внутри медленно нарастает тревога — странная смесь восхищения и острого, почти физического ощущения собственного несоответствия. Меня не должно было здесь быть.

К главной крепости мы вышли не сразу. Она будто не спешила открываться, постепенно вырастая передо мной по мере того, как мы поднимались всё выше по террасам, пока наконец не оказалась прямо перед нами, вытеснив всё остальное. Снаружи она казалась продолжением города, его вершиной и логичным завершением этой сложной, выверенной структуры.

Залы тянулись один за другим, широкие, высокие, с потолками, уходящими вверх. Стены покрывала сложная, детализированная резьба: линии переплетались, уходили друг в друга и повторялись с вариациями. Между колоннами открывались проходы, лестницы, галереи, а залы поражали своими объемами. Людей внутри было меньше, чем на улицах, и я понимала их вопросительные взгляды в нашу сторону, что только усиливало ощущение, что мне здесь не рады.

Локи вёл меня по этим залам не торопясь, подстраиваясь под мой шаг.

— Ты сейчас должна сказать: «Этого не может быть!», — произнёс он с восхищением, не останавливаясь.

Я коротко вздохнула и поправила выбившуюся из хвоста прядь волос:

— Про себя я проговорила это уже раз десять.

Он удовлетворенно улыбнулся. Я помедлила, собираясь с мыслями, а затем всё же задала вопрос, который всплыл сам собой:

— А Тор... он здесь?

Локи обернулся, скептически поднимая бровь:

— Ага, и Тора ты знаешь?

— Я писала работу о поздних интерпретациях образов асов, — ответила я, и сразу же почувствовала, насколько неуместно это прозвучало.

— Тор сейчас на границе миров. Воюет с великанами. Один занят делами. И это, поверь, редкая удача для всех присутствующих.

Внутри снова поднялось неприятное напряжение. Если даже Локи говорит об этом так... значит, встреча с Одином — это последнее, к чему стоит стремиться.

Локи завёл меня в огромный каменный зал с окнами в пол. Свет свободно лился внутрь и отражался от гладкого пола и металлических поверхностей. Вдоль стен стояли стойки с оружием: мечи, копья и щиты лежали аккуратно разложенными по рядам. Чуть дальше стояли манекены, и я разглядела на них отметины от ударов и порезов.

Справа с резким звоном столкнулись клинки, и я перевела взгляд. Две девушки тренировались на мечях. На них не было накидок, только облегаящая тренировочная одежда, подчеркивающая движения. Они наносили точные удары и не пытались сдерживаться.

— Скоро увидимся, — бросил Локи сопровождающим меня валькириям, не глядя на меня. — Леди, Эйлин под моим контролем. Никому не передавать.

Я едва успела вдохнуть, собираясь возразить, как двери за моей спиной закрылись с глухим звуком, запирая меня внутри.

— Это она? — раздался голос.

Женщина у дальней стены не спешила подходить. Она была такой же высокой и широкоплечей, как и все валькирии, которых я видела до этого, а тёмные волосы были собраны в тугую косу.

— Да, Хервёр, — коротко сказала одна из валькирий рядом со мной и слегка склонила голову.

Хервёр подошла ближе и остановилась в нескольких шагах от меня. Я невольно выпрямилась, когда она задержала на мне взгляд.

— Слишком... — начала она спокойно и без малейшего сомнения. — Мягкая. Слишком земная, — добавила она и сдвинула брови. — Ты не держишь осанку, ты смотришь по сторонам и теряешь фокус. И ты напугана, — закончила она.

Я набралась смелости, подняла на нее взгляд и твердо ответила:

— Я буду рада покинуть вас прямо сейчас. Я не собираюсь мозолить вам глаза.

Хервёр прищурилась.

— Уйти? — переспросила она спокойно. — Тебе не давали выбора, моя дорогая. — Она сделала короткую паузу. — Отлично. Значит, начнём с самого начала. Ингрид. Сигрун.

Две валькирии из зала шагнули вперёд. Я узнала в них девушек, которые только что тренировались.

— Подберите ей одежду, — сказала Хервёр. — Нормальную. И приведите её в порядок. Обе кивнули.

Хервёр снова посмотрела на меня:

— Что ты носишь?

Я замялась:

— В смысле?..

— Ты выбираешь мех или ткань? Легкое или тяжелое? — спросила она.

Я растерялась и покачала головой:

— Я... не знаю.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Оружие? — спросила она.

Я снова покачала головой:

— Я не тренировалась с оружием. Только стрельба из лука. Немного.

Она сделала короткую паузу и сказала:

— Хорошо. Тогда с этого и начнем, — добавила она.

Ингрид коснулась моего плеча:

— Пойдём.

Ингрид и Сигрун привели меня в боковое помещение, отделенное от зала тяжелой дверью. Здесь было прохладно, и я укуталась глубже в мокрое пальто.

— Снимай, — коротко сказала Сигрун.

Я сжала ткань сильнее. Ингрид кивнула на мое пальто и повторила.

— Это не подходит. Снимай.

— Нет.

Обе удивленно переглянулись.

— Ты вся мокрая, — мягко сказала Ингрид. — Здесь так не ходят.

— Мне всё равно, — ответила я резко. — Я не собираюсь... — я запнулась, пытаюсь сформулировать мысль, — переодеваться по первому приказу.

Сигрун сделала шаг ближе.

— Это не приказ, — сказала она. — Тебе самой-то комфортно? Тепло и уютно, навре- рное, в этом грязном порванном куске шерсти.

Только сейчас я почувствовала, как меня трясет. Я покачала головой и отступила на шаг назад.

— Мне нужен телефон, — сказала я. — У меня был телефон. Где он?

Они не ответили.

— Мне нужно связаться с отцом, — продолжила я, чувствуя, как голос начинает дрожать, но уже не могла остановиться. — Вы не можете просто... привести меня сюда и делать вид, что это нормально. Мне нужны объяснения.

Сигрун вздохнула.

— Телефона у тебя нет, — сказала она.

— Значит, верните, — резко ответила я. — Или дайте другой. Мне всё равно. Я должна

—

— Ты ничего не должна, — перебила Ингрид. — Не здесь.

— Тогда объясните, что происходит, — сказала я тише. — Пожалуйста.

Сигрун подошла ближе и успокаивающе взяла меня за руку.

— Если ты действительно валькирия, — сказала она, — твоё место здесь.

— Пока Один не решит иначе, — добавила Ингрид.

— Я не... — начала я, но голос сорвался. Слезы бесконтрольно текли у меня из глаз. Я плакала, но злилась — на них, на Локи, на себя. И на отсутствие выбора.

Через несколько минут я всё же сдалась. Я молча стянула с себя оставшуюся одежду и протянула её Ингрид. Ткань была холодной и тяжелой от влаги. Сигрун уже перебирала сло- женные комплекты на стойке.

— Это не подойдёт, — сказала она, даже не глядя на меня, и отложила один из вариантов. — Слишком лёгкое.

Ингрид кивнула и сняла другой.

— Попробуй это.

Я взяла ткань в руки и на секунду замерла, рассматривая её. Материал оказался плотным, но мягким, тёплым на ощупь. Я надела тунику, затем — брюки, которые сели неожиданно по фигуре, не сковывая движения, но и не оставляя лишнего пространства.

Сигрун подошла ближе и поправила ворот.

— Руки подними, — сказала она.

Я послушалась. Она подтянула ткань на плечах, проверила посадку, затем отступила на шаг и коротко кивнула. Ингрид уже держала в руках накидку. Тёмная, с густым мехом по краю, она выглядела тяжелой, но, когда она накинула её мне на плечи, я почти не почувствовала ее вес.

Я машинально провела пальцами по меху. Ингрид протянула мне широкие браслеты. Металл оказался прохладным, с тонкими узорами, которые я не сразу смогла рассмотреть.

— Обувь, — коротко добавила Ингрид, протягивая мне кожаные мягкие сапоги.

Я примерила. Сейчас они казались бесконечно удобными, но я знала, как всегда натирала мне новая обувь и поморщилась от предстоящей муки.

Сигрун обошла меня по кругу, оценивая.

— Уже лучше, — сказала она, поворачивая меня к резному зеркалу.

Я не сразу узнала себя. Ткань мягко обтягивала тело, а линии силуэта стали резче и собраннее. Серебряные вставки на швах едва заметно ловили свет, подчеркивая движения.

Накидка добавляла тяжести образу, но не делала его громоздким. Я всё ещё чувствовала себя не на своём месте, но теперь это хотя бы не бросалось в глаза так очевидно.

Я подняла взгляд чуть выше и на секунду замерла.

Волосы. Они выглядели... ужасно. Спутанные, тяжёлые от влаги волнистые пряди торчали в разные стороны, выбиваясь из общего образа. Каштановый цвет потемнел, стал почти грязным от воды, и на фоне аккуратной, выверенной одежды волосы смотрелись особенно чужеродно.

Я машинально провела по ним рукой, но только сильнее их растрепала. Сигрун подошла ближе и мельком окинула меня взглядом.

— Это можно исправить, если ты позволишь, — сказала она.

Я посмотрела на неё с сомнением, но кивнула и села на край скамьи, позволив ей встать за моей спиной.

Она провела пальцами по волосам, быстро и уверенно разделяя пряди.

— Волосы у тебя шикарные, — заметила она. — Как будешь носить? Туго или свободно?

— Свободно, — ответила я.

Кажется, это был единственный вопрос, на который у меня был точный ответ. Длинные широкие косы никогда мне не нравились, и в детстве папа сильно намучался с ними, пытаясь собрать меня в школу. В какой-то момент мы просто остановились на распущенных волосах с убранными назад передними прядями. Мне не хотелось изменять этой привычке.

Ингрид довольно похлопала в ладоши, напоминая мне Астрид своей беспричинной радостью.

— На вот, — сказала она и протянула руку вперёд, показывая ленты и кольца. — Это — для фиксации. Это — для украшения. Можешь не брать, если не хочешь.

Я нерешительно взяла тонкую темную ленту и пару колец.

— Этого хватит.

Пальцы Сигрун двигались быстро и точно. Пряди ложились одна к другой, натягивались, переплетались, и я чувствовала, как всё постепенно собирается и перестаёт распадаться. Она отделила передние пряди, заплела их в тонкие косы, увела назад, вплела ленту и зафиксировала кольцами, явно делая это не в первый раз.

— Всё, — сказала она, отступая.

Я провела пальцами по волосам и встала, чтобы посмотреть в зеркало. Это было неприлично, но очень красиво, прямо как на иллюстрациях в моих любимых книгах.

— Лучше, — тихо сказала я. — Спасибо.

Сигрун только кивнула.

— Пойдём, — позвала Ингрид. — Тебе нужно поесть.

Она уже направилась к двери, Сигрун пошла следом, а я на секунду задержалась, прежде чем сделать шаг за ними. Они не выглядели враждебными — по крайней мере, не так, как остальные, и, встретив наконец кого-то, кто хотя бы разговаривает со мной, я вдруг остро почувствовала, как много вопросов у меня накопилось и как мало времени было, чтобы их задать.

Я догнала их уже в коридоре.

— Вы... всегда здесь жили? — спросила я, продвигаясь по залу и стараясь скрыть свою тревогу.

Сигрун повернула голову, не сбавляя шага.

— Да, — ответила она спокойно.

Я нахмурилась, чувствуя, что этого ответа недостаточно.

— В смысле... с детства?

Ингрид коротко кивнула, будто этот вопрос не требовал никаких дополнительных объяснений:

— Нас привели сюда рано.

Я жала пальцы, уже заранее понимая, что услышу дальше, но всё равно спросила:

— Кто?

— Один, — сказала Сигрун так же, как если бы речь шла о чём-то очевидном. — Он берёт под своё покровительство тех, в ком есть сила.

— И вы... просто остались? — спросила я, сама не до конца понимая, что именно пытаюсь выяснить.

Сигрун удивлённо приподняла бровь:

— У нас не было причины уходить.

— А родители?

Ингрид на мгновение замедлила шаг.

— У кого-то были до совершеннолетия, — сказала она. — У кого-то — нет. Здесь это не имеет значения.

Я ощутила внутреннюю тоску по отцу. На сколько я здесь? Когда смогу позвонить ему и объяснить, что происходит? Он будет волноваться.

— И что вы делаете? — спросила я, чтобы отогнать эту мысль. — Каждый день. Вы просто... тренируетесь?

Сигрун кивнула в сторону тренировочных залов, мимо которых мы проходили:

— Мы держим себя в форме. Мы часто выходим на задания и никогда не знаем, что может произойти.

— Это обязательно?

Ингрид ответила не сразу:

— Если ты здесь, да.

Я опустила взгляд на свои руки, на браслеты, на ткань, которая уже перестала казаться чужой, и на секунду мне стало не по себе от того, как быстро я начинала к этому привыкать.

— И выбора нет? — спросила я почти шёпотом.

Ингрид хихикнула.

— Есть. Ты можешь предать Одина, — сказала она весело, — и надеяться, что он будет к тебе достаточно благосклонен, чтобы твоя смерть оказалась быстрой.

По спине пробежали ледяные мурашки.

— Но зачем уходить? — добавила она. — Это же твоё предназначение.

— Что именно? — спросила я.

Ингрид тяжело вздохнула:

— Ты совсем ничего не знаешь про валькирий, да?

Я резко вскинула голову. Слова сорвались быстрее, чем я успела их остановить.

— Я читала, — продолжила я. — Валькирии — это проводницы душ павших воинов, они выбирают тех, кто достоин попасть в Вальхаллу, они сопровождают их после смерти, участвуют в битвах, служат Одину и—

Я замолчала, потому что сама слышала, как это звучит. Заучено и неизвестно, насколько правдиво.

Пока мы шли дальше, пространство наполнялось ровным гулом голосов, звоном посуды и приглушенным смехом. Ингрид толкнула тяжелые двери, и мы вошли в огромный обеденный зал. Рядами тянулись длинные столы, накрытые плотными тканями, на которых стояли блюда с едой, кувшины с вином, деревянные и металлические чаши.

Ингрид повела меня к одному из столов, где оставалось несколько свободных мест. Сигрун села первой и кивком показала мне сесть рядом. Я опустилась на скамью, все еще восхищенная окружающим меня пространством.

Передо мной стояла тарелка с мясом, хлебом, какими-то овощами, и кубок с тёмным вином. Я машинально провела пальцами по краю чаши, но не притронулась к еде.

— Ешь, — сказала Сигрун. — Завтра тебе понадобится сила.

— Вы так и не объяснили, — сказала я, переводя взгляд на неё. — Что именно вы делаете?

Она молчала, будто раздумывая, с чего начать.

— Ты все верно сказала, но мы не только забираем павших. Мы также прерываем жизни людей и разных существ раньше, чем они успевают сделать что-то, что нарушит порядок в мире.

— То есть... — я запнулась, не веря своим ушам, — вы убиваете их? Вы как наемные убийцы?

— Теперь уже не «вы», а «мы», — сказала она спокойно. — Мы останавливаем их.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Почему? — спросила я. — По какому праву?

Ингрид, до этого молчавшая, коротко взглянула на меня:

— Чтобы предотвратить второй Рагнарёк, Один следит за линиями судьбы людей и других существ. Он видит тех, чьи действия приведут к катастрофам.

Я нахмурилась.

— И решает... кто умрёт?

— Он решает, кого стоит устранить во благо мироздания, — Сигрун постучала ногтями по столу. — Мы лишь исполняем.

— И это работает? Как? Кого именно вы убиваете? — спросила я тише.

— Тех, чьи решения изменили бы мир, — продолжила Сигрун. — Создателей оружия, разрушившего бы города. Начинателей войн, которые нельзя было бы остановить.

— Ядерное оружие, — тихо сказала я.

Сигрун не удивилась.

— Да, — ответила она. — Его создателя остановить мы как раз и не успели. Мы стараемся, но за всеми не уследить. Но многое удалось, — добавила она. — Больше, чем ты когда-либо узнаешь.

— И вы... считаете, что это правильно? — спросила я.

Сигрун выдержала паузу.

— Это меньшее из зол. Иначе мира просто уже не стало бы. Особенно Земли. Ты привыкнешь, это сейчас тебе кажется это чем-то критическим, но ты будешь творить во благо.

В голове все перемешалось. Еще вчера я сидела в баре с однокурсниками, а сегодня меня провозгласили валькирией, которая будет спасать жизни. Я заставила себя опустить первый кусок мяса в рот.

Ночью я так и не смогла уснуть. Комната оказалась небольшой — каменные стены, узкая кровать у стены, стол, на котором стояла единственная лампа, и окно, вытянутое вверх. Я долго стояла у него, прежде чем отойти, пытаясь понять, что именно вижу. Звёзды были другими. Я смотрела на них слишком долго, надеясь найти хоть что-то знакомое: расположение, созвездие, хоть какую-то точку, за которую можно зацепиться, но ничего не находила. Такие же чужие, как и все здесь.

Я отошла от окна, вышла из комнаты в холодные стены крепости и опустилась на пол, подтянув колени к груди. Ткань новой одежды тихо зашуршала. Я не собиралась плакать. Сначала. Я просто сидела, уставившись в пустоту, и пыталась удержать мысли в порядке, но они расплзались, цеплялись одна за другую и возвращали меня к одному и тому же: к дому, к отцу, к тому, как всё произошло слишком быстро, чтобы в это можно было поверить.

Стало невыносимо здесь находиться. Я сжала зубы, чтобы остановить слезы, но те все равно растекались по щекам. Я не знала, сколько времени я так просидела, жалея себя.

— У смертных есть обычай рыдать на полу? — раздался знакомый голос. — Или это твое личное предпочтение?

Я подняла голову. Локи стоял у двери, опершись плечом о косяк, держал в руке кубок с неизвестной мне жидкостью и смотрел на меня с тем самым язвительным выражением, которое уже начинало меня раздражать.

— Иди к черту, — бросила я ему, не задумываясь. Он самодовольно провел большим пальцем по нижней губе.

— Там меня не ждут, но твоя агрессия прекрасно демонстрирует, что ты идешь на восстановление.

Он сделал шаг вперед, покрутил свой напиток в пальцах и поставил его на стоящую рядом закрытую амфору. Сердце всё ещё билось неровно, и я злилась на него, на себя, и на то, что он увидел меня именно в таком состоянии.

— Что происходит? Зачем ты меня забрал? — спросила я, не пытаясь смягчить тон. — И не надо сейчас снова уходить от ответа.

Локи потер шею, разминая ее.

— Ты задаёшь слишком много вопросов для человека, который пока не готов слышать ответы.

— Я готова, — возмутилась я. — Я имею право знать, что со мной сделали.

— С тобой никто ничего не делал, — сказал он. — Ты сама вмешалась.

Я нахмурилась.

— О чём ты?

Он сделал шаг вперед и остановился на расстоянии, которого было достаточно, чтобы я чувствовала его присутствие, но не могла от него отстраниться.

— Ты спасла человека, которому была уготована смерть, — сказал он.

Я нахмурилась, пытаюсь осознать его слова.

— Я что?

— Руна того мужчины должна была замкнуться, — продолжил Локи. — Всё уже было решено. Но ты вмешалась и изменила исход.

Я покачала головой.

— Это... это невозможно. Я просто —

— Нет, — перебил он. — Ты не «просто». Ты пошла наперекор указу Одина.

Черт, это было плохо. Очень плохо. Я замолчала. Он тоже выдержал короткую паузу.

— Такое могут делать только те, кто связан с рунами судьбы.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается то самое неприятное напряжение.

— Валькирии? — спросила я.

— Обычно — да, — ответил он. — Но ты какая-то недоразвитая валькирия, раз в тебе проснулась сила только сейчас.

— И что теперь? — спросила я, закрывая глаза и касаясь затылком холодной стены, не в силах реагировать на колкость.

— Теперь тебя будут учить убивать нарушителей мирового порядка.

— Я не просила об этом. Я хочу домой, — сказала я уже тише.

— Извини, но это больше не имеет значения. Тебе стоит поспать, потому что завтра тебя ждет очень сложный день.

Глава 6. Первая кровь

«Настало время секир, время мечей».

— «Прорицание вёльвы».

Всё произошло слишком быстро и без каких-либо объяснений, словно никто даже не предполагал, что мне может понадобиться время, чтобы подготовиться. Мне просто вложили в руку меч, и я почувствовала, как его вес тянет кисть вниз, заставляя меня сжать пальцы на рукояти сильнее, чем нужно. Я боялась его уронить и тем самым окончательно подтвердить, что не имею ко всему этому никакого отношения.

Мне успели сообщить, что я держала его неправильно, слишком напряженно, и я сама это понимала, но не могла заставить себя расслабиться.

— Не держи меч как музейный экспонат, это то же самое, что держать длинный кинжал в руке. — Громко критиковала Хервёр.

Ну да, конечно, кручу-верчу кинжалами каждый день. Проще простого.

Я попыталась изменить хват, но только сильнее запуталась в собственных движениях, потому что пальцы не слушались, ладонь скользила, а напряжение усиливалось, делая всё хуже с каждой секундой. Хервёр велела мне расслабить руку, и я послушалась, тут же роняя руку вниз вместе с мечом, едва не задевая собственную ногу.

Кто-то позади нас в зале не сдержал смеха, и я почувствовала, как у меня горят щеки, хотя я изо всех сил старалась делать вид, что не обращаю на это внимания.

Хервёр продемонстрировала мне стойку.

— Встань нормально, ощути под собой опору!

Я переставила ноги, пытаюсь повторить, но тело не подчинялось, потому что каждое движение казалось мне неестественным и чужим. Я не успела понять, в какой момент она двинулась: удар в грудь пришелся слишком быстро и точно. Я потеряла равновесие, тяжело рухнула на каменный пол, и воздух резко вышибло из легких.

Я сжала зубы, оперлась на ладони и попыталась подняться, потому что оставаться на полу было еще более унижительно, чем снова упасть.

— Повтори!

Я не успела даже занять стойку, как второй удар снова сбил меня с ног, и на этот раз я ударилась плечом. Смех вокруг стал фоном, к которому невозможно было не прислушиваться. Он постоянно напоминал мне о том, где я нахожусь и как на меня смотрят.

Я снова поднялась, уже медленнее, чувствуя, как руки дрожат, а меч в ладони становится все тяжелее с каждой попыткой удержать его правильно.

— Расслабься. Твое тело знает все за тебя, но разумом ты не даешь ему правильно действовать. В итоге ты не контролируешь ни себя, ни свое оружие.

Я попыталась сосредоточиться и сделать шаг вперед, но не успела ничего изменить, потому что следующий удар снова выбил меня из равновесия. Я упала на колени, и боль, пришедшая в этот раз, была такой резкой и острой, что я не смогла сдержать короткий выдох, вырвавшийся сквозь зубы. Я оперлась руками о пол, чувствуя, как ладони скользят по холодному камню, и попыталась не показать, насколько мне тяжело.

— Еще раз!

Я поднялась, с усилием выпрямилась и снова сжала меч в руке, уже зная, что сейчас всё повторится. Я стояла напротив нее, чувствуя, как дрожат мышцы и как сбивается дыхание, и понимала, что хуже всего были не бесконечные падения, а то, что я действительно не понимала, что делаю. И зачем.

Напряжение поднималось внутри медленно, тяжело, внутренней яростью, которая становилась всё сильнее с каждым новым падением и каждым чужим взглядом. Я злилась, потому что для них всё это было естественным, простым, очевидным, и потому что никто из них даже не пытался сделать вид, что мне может быть трудно. Но сильнее всего я злилась на себя, потому что понимала, что у них есть на это право.

Я читала об этом. Я проводила часы над текстами, разбирала описания битв, следила за формулировками, выписывала детали, спорила о значении отдельных слов, и мне казалось, что я понимаю, как это работает. Я помнила, как в сагах описывали удары, стойки, движения, как говорили о равновесии, о силе, о точности, и тогда всё это складывалось в четкую и логичную картину. Но сейчас всё это знание оказывалось бесполезным.

Несмотря на слова Хервёр тело не знало, что должно делать, и руки не двигались так, как хотелось бы. Я попыталась вспомнить хоть что-то, за что можно зацепиться — положение ног,

угол удара, направление движения, но в голове всё смешалось, и вместо четких инструкций осталась зияющая пустота.

Я неуверенно шагнула вперёд, и в тот же момент почувствовала, как удар выбивает меч из моей руки. Металл со звоном ударился о камень. Хервёр тяжело вздохнула.

— Перейдем к твоему рабочему оружию.

Я не сразу поняла, о чём она говорит, потому что слова «мое» и «оружие» никогда не стояли вместе в одном предложении в моей жизни.

Хервёр коротко кивнула одной из валькирий, стоявших у стены:

— Принеси.

Та кивнула и почти сразу вернулась, держа в руках лук и колчан со стрелами, и я ощутила разливающееся внутри облегчение. Наконец-то что-то... нормальное.

Я протянула руку и взяла лук, который к удивлению не вызвал у меня внутреннего сопротивления. Дерево оказалось тёплым, знакомым, почти родным на ощупь. Я провела пальцами по тетиве, осторожно натянула её и почувствовала, как она откликается.

— Посмотрим, — коротко кивнула Хервёр.

Я сделала шаг вперёд, автоматически выравнивая корпус, ставя ноги так, как когда-то училась, и даже позволила себе вдохнуть глубже, потому что впервые за всё время у меня появилось чувство контроля. Я огляделась.

— И где мишень? — спросила я, переводя взгляд с одной валькирии на другую. — Щит, доска... хоть что-нибудь?

Никто не двинулся. Я нахмурилась, медленно опуская лук.

— Серьёзно? — добавила я. — Вы же не собираетесь просто—

Хервёр не дала мне договорить.

— Подними, — сказала она.

Я замерла на секунду, потом всё же снова подняла лук. Хервёр смотрела на меня прямо, не моргая, и от этого взгляда мне становилось не по себе.

Она слегка повернула голову.

— Туда, — сказала она.

Я проследила за её взглядом и увидела в конце зала валькирию. Я замерла.

— Нет, — сказала я сразу. — Нет, я не буду стрелять в человека.

— Ты не будешь в неё стрелять, — спокойно ответила Хервёр. — Ты будешь стрелять рядом.

Я нахмурилась.

— Рядом?

Хервёр сдвинулась ближе:

— В косу, — сказала она. — Срежь ленту.

Я посмотрела внимательнее и только тогда заметила тонкую тёмную ленту, вплетенную в волосы той девушки.

— Вы шутите, — выдохнула я.

— Нет, — ответила Хервёр. — Это расстояние, на котором ты должна работать.

Я сжала лук крепче.

— Я не попаду, — сказала я честно. — Я не стреляла... годы.

— Тем интереснее, войди во вкус, — спокойно ответила она.

Я выдохнула, медленно подняла лук и вложила стрелу, чувствуя, как пальцы снова начинают дрожать.

— Если я промахнусь... — начала я.

— Ты промахнешься, — снова перебила Хервёр. — Вопрос в том, насколько.

Я стиснула зубы. Отличная мотивация. Где та взаимопомощь и сестринство, о которой так много пишут?

— Стреляй.

Я натянула тетиву, чувствуя, как напряжение проходит через плечо, спину, руки, и попыталась сосредоточиться на одной точке. Лента. Всего лишь лента. Будь как Китнисс, стреляющая в яблоко — пыталась я себя поддержать. Ну или хотя бы постарайся не убить человека. А человек ли она, или как ее называть? Боже, соберись, Эйлин.

Я задержала дыхание и отпустила пальцы.

Стрела резко сорвалась, и в ту же секунду я уже знала, что выстрел ушёл не туда, потому что в последний момент рука предательски дёрнулась. Я подняла взгляд. Стрела вошла в косу: не в ленту, конечно, а сильно ниже, сбоку. Но это было выше всех моих ожиданий.

— Я... попала? — спросила я почти шёпотом, сама не веря в произошедшее.

Девушка у стены даже не вздрогнула, только чуть повернула голову, словно проверяя, где именно застряла стрела.

Хервёр сделала шаг ближе, окинула взглядом расстояние и положение стрелы, и только потом заговорила.

— Для первого раза — терпимо, — сказала она. — Ты видишь цель, но не доводишь движение.

Я сжала пальцы на луке.

— Потому что вы ставите живого человека, — резко ответила я.

— Именно поэтому, — спокойно сказала Хервёр. — Успокой свой разум, научись себе доверять и ты удивишься, как быстро всему научишься. Ты валькирия, владение оружием у нас в крови.

После двадцати таких же неудачных попыток Хервёр решила, что с меня достаточно. Я отошла к стене и села на скамью, чувствуя, как камень за спиной приятно холодит измученное тело, и машинально провела рукой по колену, где ещё несколько минут назад пульсировала боль. Синяки исчезали быстрее, чем я успевала к ним привыкнуть. Я потеряла плечо, потом запястье, пытаясь избавиться от остаточного напряжения, и на секунду закрыла глаза, позволяя себе просто спокойно дышать.

— Неожиданно ...

Локи. Я начинала привыкать к его внезапным появлениям.

— Что? Неожиданно хорошо стреляю?

Он поцокал языком, и мне пришлось открыть глаза, чтобы понять его истинную реакцию.

— Я как раз собирался сказать обратное, — произнес он, усаживаясь рядом. — Это было... удивительно плохо. Поразительно плохо! Потрясающе пло—

— Ты пришёл, чтобы это озвучить? — прервала его я, не давая договорить и чувствуя, как раздражение снова поднимается быстрее, чем усталость успевает его приглушить. — Для первого раза нормально.

Скажи мне кто-то, что я буду так фамильярно разговаривать с богом, я бы не поверила. Но сейчас это казалось мне чем-то естественным.

— Для первого раза — катастрофа, — скривился он. — Но ты держись, подбадривай себя этим.

— Хочешь попробовать сам? — спросила я. — Или ты только комментировать умеешь?

Он наклонил голову, как будто всерьёз обдумывал это предложение.

— О, я прекрасно справляюсь и с луком, и с мечом, — сказал он. — Но сегодня твой звездный час.

Я коротко выдохнула, чувствуя, как в груди снова закипает злость, и взгляд сам собой скользнул по его длинному хвосту угольно-черных волос. В следующий момент, поразившись своей смелости, я протянула руку и резко схватила его за хвост, потянув назад.

— Будешь издеваться, — сказала я, сильно сжимая пальцы, — попрошу Хервёр в следующий раз тренироваться на твоей ленте.

Я удержала пальцы ещё на секунду, а потом резко отпустила его, отодвигаясь дальше.

— Если ты пыталась меня унизить, — насмешливо прищурился он, — стоило выбрать что-то более... эстетически уязвимое. Да и за волосы так обычно хватаются не в драке.

Он хитро улыбнулся, подмигивая мне. Я почувствовала, как краснеют мои щеки и постаралась спасти ситуацию кучей накопившихся у меня вопросов.

— Ладно, раз ты все равно пришел, помоги мне разобраться. Почему все здесь говорят на одном языке? Люди из разных миров, ну или как минимум стран оказываются в одном месте, и что, чудом говорят на исландском, как я? И если валькирии бессмертны, что происходит, если их подорвет миной и части тела разлетятся в разные стороны? Они как рука у Уэнсдей прибегут друг к другу и соберутся вместе? И почему вы знаете про телефоны и ядерное оружие, но не про кинокомиксы? И ещё, — добавила я, размахивая руками, — если вы «прерываете» людей до того, как они что-то сделают, значит ли это, что у них вообще нет выбора? Или вы просто приходите в тот момент, когда они уже всё решили?

Я посмотрела на него, не давая вставить ни слова.

— Вы видите будущее или только варианты? — продолжила я. — И если это варианты, то кто решает, какой из них «неправильный»? Ну и почему именно я? Ты сказал про «кровь» и «руны судьбы», но это вообще что значит? Это наследие? Ошибка? Или я просто оказалась не в том месте не в то время? И если я не хочу в этом участвовать? — добавила я. — Что тогда? Вы меня всё равно оставите здесь, пока я не «привыкну», или есть вариант, где я просто... возвращаюсь и делаю вид, что этого никогда не было?

Я замолчала, чувствуя, как дыхание сбивается, и поймала на себе ошарашенный взгляд Локи.

— Ух ты. Хм, ладно, так... Языки. Будем считать это суперспособностью всех богов и валькирий. Ты с рождения, ну, в твоём случае, гораздо позже, воспринимаешь все языки как свой родной. И говоришь на них, естественно. Это так называемый Всеязык. Дальше, что там было, руки и ноги валькирий... Не помню таких случаев, честно говоря, но разобщенность тела решается землей.

— То есть по частям они не разбегаются? — уточнила я.

Он запрокинул голову, издав короткий смешок.

— Я восхищён тем, какие именно вопросы ты считаешь приоритетными.

Я закатила глаза.

— Земля забирает валькирию в почву, исцеляет ее и возвращает на поверхность целую и невредимую.

— А технологии? — спросила я. — Телефоны, оружие...

Он пожал плечом.

— Мы знаем о том, что влияет на исходы, — сказал он. — Остальное... не имеет значения.

Чтож, получается, кино и комиксы никогда не были предметом раздора... Меня искренне волновали эти вопросы, в книгах никогда такого не пишут.

— Выбор, — напомнила я. — У людей и... существ он есть?

На этот раз Локи ответил не сразу. Он нахмурился, потирая руки, и сжал губы.

— Выбор есть у каждого, Один вмешивается в последствия, которые кто-то может повлечь за собой. Он видит больше, чем остальные, — добавил он. — Этого достаточно.

— Один? А ты? Разве ты не один из них?

— О, нет, ты что, забыла, кто я? Я думал ты умная девочка. Мне нет дела до раздоров, я предпочитаю быть сам по себе.

Сам по себе... Но с меня почему-то глаз не спускает.

— Последний вопрос. Я могу уйти и сделать вид, что ничего этого не было?

— Если ты спрашиваешь меня, есть ли у тебя вариант вернуться домой и забыть все, что произошло, то мой ответ нет. Как минимум тебя ждет серьезный разговор с Одином, поскольку ты вмешалась в его приказ, но даже если все пройдет гладко, он не отпускает своих воительниц.

Мы попрощались на этой невероятно грустной для меня ноте. В столовую я дошла почти на автомате, не разбирая дороги и не особо запоминая, как именно оказалась за столом, потому что всё, чего сейчас требовало тело, сводилось к одному — сесть и расслабиться. Я опустилась на скамью рядом с Ингрид и Сигрун и почти сразу потянулась к еде, не задумываясь о том, что беру, как беру и сколько, потому что голод накрыл меня, вытеснив все остальное.

— Ничего не получилось на тренировке, — сказала я, не поднимая головы и одновременно пытаясь прожевать и сформулировать мысль. — Вообще ничего.

Сигрун хмыкнула, отставляя кубок.

— А что произошло?

— Я даже не знаю, на что рассчитывала, — ответила я. — Но точно не на то, чтобы меня пять раз подряд уложили на пол.

— Шесть, — поправила Ингрид, не скрывая улыбки. Я и не знала, что она наблюдала за моим позором.

Я подняла на неё недовольный взгляд.

— Спасибо, — сухо сказала я. — Очень поддерживает.

Ингрид только пожала плечами и потянулась за куском хлеба.

— Это вообще нормально? Вот так... не понимать ничего? — спросила я.

Сигрун кивнула.

— Редко у кого получается сразу, — сказала она. — Обычно нужно время.

— Сколько? — спросила я, уже чувствуя, что ответ мне не понравится.

— Дней пять. Иногда неделя.

Я замерла с куском картофеля в руке.

— Неделя? — переспросила я медленно. — После... вот этого? — Я коротко махнула рукой, как будто этим жестом можно было охватить весь сегодняшний позор. — Вы серьезно?

Сигрун понимающе улыбнулась.

— Вполне.

— Я рассчитывала на года три, — пробормотала я. — Не меньше.

Ингрид рассмеялась.

— Мы поможем.

— Правда?

— Завтра, — добавила она. — Сегодня нас уже ни на кого не хватит. Мы сами еле стоим... сидим тут, — сказала она. — Задание было... не самым простым. — Ингрид вдруг подняла кубок. — Но сегодня мы не раскисаем, девушки, — заявила она. — Сегодня мы пьем!

— И что мы празднуем? — спросила я.

Ингрид широко улыбнулась и повернулась к Сигрун:

— Напомни.

Сигрун тоже взяла свой кубок.

— Сегодня мой пятьсот восемьдесят второй день рождения, — сказала она.

Я постаралась скрыть свое удивление и нагнетающую тревогу. Черт, мы действительно будем жить вечно. Какой кошмар.

— Поздравляю! — Я сделала глоток. — А это... не надоедает? Жить так долго? Делать одно и то же?

Сигрун непонимающе нахмурилась.

— Одно и то же? — переспросила она. — Мир не ограничивается одной Землёй. Ты просто пока не видела всего. Другие миры, другие... развлечения.

Ингрид оживилась.

— Соревнования, например, — сказала она. — Ты когда-нибудь видела, как дерутся амазонки?

Я покачала головой.

— Они устраивают испытания силы и выносливости, — продолжила она.

— И они ой как не любят проигрывать, — добавила Сигрун.

— Никто не любит, — буркнула я. — И вам это... нравится? — спросила я.

Ингрид пожала плечами:

— Мы всегда находим, чем заняться.

Я опустила взгляд в кубок и сделала еще один глоток. Вино оказалось тёплым и как будто разбавленным водой. Вот бы какая-нибудь валькирия всерьёз занялась производством вкусного вина в Асгарде, раз у них так много свободного времени.

Вечером я долго лежала, глядя в потолок, и пыталась вспомнить всё, что знала о Локи. Хитрец. Обманщик. Отец чудовищ. Предатель. Я невольно вспомнила его лицо, его голос, его спокойствие, и это сочетание никак не складывалось с тем образом, который я знала.

Я перебирала слова, как будто могла выстроить их в правильном порядке и получить цельную картину, но вместо этого они только сильнее расходились, оставляя ощущение, что я пытаюсь объяснить что-то, что не поддаётся объяснению. Он не выглядел как тот, кто полностью принадлежит той роли, которую ему приписывают.

Ночью я всё-таки провалилась в сон, но он не принёс ни облегчения, ни отдыха. Я снова стояла на той дороге, чувствуя, как под ногами тянется мокрый асфальт, и смотрела на аварию со стороны. Машину повело. Я услышала, как визжат тормоза, как металл поддается движению и начинает ломаться, как пространство вокруг теряет устойчивость, и в этот момент я уже знала, что будет дальше, но не могла ничего изменить. Я попыталась сделать шаг вперёд, но не сдвинулась с места, будто что-то удерживало меня, не позволяя приблизиться. Я знала, что должна успеть, что должна вытащить водителя из машины и помочь ему, потому что уже делала это раньше. Лобовое стекло пошло трещинами, и я увидела, как оно поддаётся удару, когда голова водителя врежется в него с силой, которую невозможно остановить. Никто бы не пережил такого столкновения.

Я резко вдохнула, чувствуя, как воздух входит рывком и застревает в груди, не давая сразу восстановить дыхание. Я уставилась в темноту комнаты, не сразу понимая, где нахожусь, и только через несколько секунд осознала каменные стены, узкое окно и тишину, которая резко контрастировала с тем, что только что происходило.

— Вот же черт.

Глава 7. Древо и руны

«Никто не может противиться судьбе».

— «Сага о Вёльсунгах».

Мы с девочками, которых у меня больше язык не поворачивался назвать девочками, встретились рано утром в тренировочном зале. Первое, на что я обратила внимание, переступив порог — это поглощающая тишина и пустота пространства, в которых каждый мой шаг отдавался эхом. К моему облегчению мы были абсолютно одни, и я могла избежать лишнего давления и посторонних взглядов.

— А ты рано пришла, — заметила Ингрид, отрываясь от колонны, на которую опиралась плечом.

— Не спалось, — ответила я.

Не рассказывать же ей с самого утра про свои кошмары.

Я была готова работать. Все же, раз я оказалась здесь, нужно было приложить все усилия, чтобы стать тем, кем я должна быть, разве нет?

Но мысли о папе настигали меня каждую свободную минуту. Нужно будет узнать у Локи, какие есть возможности связаться со... смертными. Я скривилась, даже мысленно произнося это слово. Интересно, сколько времени у меня займет привыкание к местным терминам.

— Мы сегодня начинаем с базы, — вмешалась Сигрун, подходя ближе.

Сигрун поручилась обучить меня владению мечом, а Ингрид, как и я, предпочитала лук и стрелы в своей работе. Получалось, что я убивала сразу двух зайцев одной тренировкой, и это не могло не радовать.

— У валькирий всё по-другому, не как у людей, — продолжила Сигрун, остановившись напротив меня. — Ты изначально одарена нечеловеческой силой. Но толку от неё не будет, если ты не научишься доверять своему телу. А для этого нужно отпустить разум, свои сомнения и свой чрезмерный контроль. Ты слишком держишься за него.

Я сжала губы. Она была права. Всю жизнь я старалась контролировать и предугадывать каждое свое действие. Поэтому сейчас, когда меня одним днем бросили в новый мир разбираться со своей новой сущностью, меня одолевала паника и беспокойство.

Она взяла меч и встала напротив меня.

— Закрой глаза. Я тебя не трону, но буду двигаться вокруг тебя. Сосредоточься на ощущениях, на потоках воздуха, поймай меня своей интуицией.

Я коротко выдохнула, встряхнула руками, надеясь хоть немного сбросить напряжение, и закрыла глаза.

Сначала я ничего не чувствовала. А потом пришло мое тревожное, липкое, поднимающееся из желудка ощущение. А если она ближе, чем я думаю? Я вдруг очень чётко представила, как лезвие проходит рядом с кожей. Я сжала пальцы, стараясь не дергаться. Сердце забилося быстрее.

Я заставила себя сделать медленный вдох. Потом еще один. Я старалась перестать вслушиваться в страх и ощутила легкое движение воздуха справа, а затем чуть более плотный поток слева. Я не видела, но отчетливо чувствовала каждое ее движение.

— Да, вот так, — негромко сказала Ингрид, где-то сбоку. В её голосе появилась одобрительная нотка.

Траектория движений Сигрун стала вырисовываться в голове, и вскоре я уже могла предсказать, где она окажется через секунду. У меня получалось!

— Умничка, — подтвердила мои догадки Ингрид. — Сигрун, я думаю, она готова идти дальше.

— Открывай глаза, Эйлин.

Я моргнула, возвращаясь в зал. Сигрун снова оказалась прямо передо мной. Она вручила мне собственный меч и приободряюще потрепала за плечо.

— Не паникуй, — сказала она тихо с той уверенностью, которая не оставляла места сомнениям. — И дай руке вести тебя.

Она на секунду задержала взгляд на моих пальцах, сжимающих рукоять, и едва заметно нахмурилась.

— Убери фокус с веса меча, с движений и с того, как это выглядит со стороны, — продолжила она, делая шаг назад и освобождая пространство между нами. — Просто стой. Твердо и устойчиво. Представь, что тебя тянет вниз, будто под ногами прорастают корни, и ты больше не можешь потерять равновесие, даже если захочешь.

— Уф, ладно. — Тихо ответила я, поднимая меч.

— Теперь, слушай внимательно, — произнесла она, меняя стойку. — Я буду нападать очень медленно, настолько медленно, чтобы у тебя было время понять, что происходит, и отреагировать, а твоя задача не подпустить меня слишком близко. В реальной ситуации у тебя второго шанса не будет. Поняла? — уточнила она.

Я заметила в её глазах беспокойство за себя, и это меня приободрило. Она искренне хотела мне помочь, и я была готова принять эту помощь.

Первый удар был осторожным, но даже к нему я оказалась не готова: металл встретился с металлом неловко, с неприятной отдачей в кисти, и я слишком резко сместилась в сторону, теряя баланс.

— Спокойнее, — тут же сказала Сигрун, не повышая голоса, но достаточно чётко, чтобы я остановилась и собралась. — Не дергайся. Смотри на меня, а не на меч.

Я вспомнила про годы практики медитаций и сфокусировала свое внимание на дыхании животом, чтобы не допускать лишних мыслей. Второй удар последовал почти сразу, и на этот раз я успела — пусть не идеально, но достаточно, чтобы почувствовать разницу между хаотичным движением и осознанной реакцией. Третий удар оказался ещё быстрее, и я, почти не думая, подняла руку, перехватывая его, чувствуя, как напряжение в теле начинает перераспределяться, переставая сковывать движения и превращаясь во что-то более управляемое.

Постепенно я начала улавливать ритм, сначала сбиваясь, запаздывая, теряя секунды, а затем всё точнее вписывалась в её движения. Я перестала пытаться контролировать каждую деталь и позволила телу двигаться так, как оно само считало нужным, и именно в этот момент движения стали более плавными, точными и связанными между собой. Сигрун постепенно ускорялась, меняя углы атаки, и сокращала дистанцию, заставляя меня адаптироваться. Я всё ещё ошибалась, сбивалась, но теперь уже не выпадала из процесса, а возвращалась в него через дыхание и через ощущение опоры под ногами.

В какой-то момент я вдруг осознала, что больше не чувствую тяжести меча, не думаю о том, как он лежит в руке, и не отслеживаю каждое движение отдельно — всё слилось в единый поток. Мы ускорились ещё, и теперь столкновения стали резче, звонче, точнее, но я уже не терялась в них, а держалась, чувствуя, как внутри появляется уверенность, которую я раньше могла только представить. Последний удар пришёлся неожиданно быстро, но я встретила его достойно, и металл ударился о металл с чистым, ровным звуком.

Мы замерли на короткое мгновение, а затем почти одновременно выдохнули и рассмеялись, легко и свободно, сбрасывая напряжение, которое накапливалось с самого начала.

Сигрун первой опустила меч и, не колеблясь, шагнула ближе, обнимая меня за плечи.

— Видишь? Все ты можешь! — сказала она с довольной улыбкой.

— Спасибо... Спасибо большое! — Искренне благодарила ее я, не веря в то, что могу так.

Я улыбалась, всё ещё не до конца осознавая то, что только что произошло. Я повернулась к Ингрид, которая тоже встретила меня лёгкой, ободряющей улыбкой и уже протягивала мне лук и стрелы.

— Насколько я помню, со стрельбой у тебя не так уж плохо, — сказала она, вкладывая оружие мне в руки и на мгновение задерживая взгляд, словно оценивая, насколько я сама в это верю. — Сигрун! Встань у стены для нас, пожалуйста.

Я резко перевела взгляд на свою будущую цель, и внутри неприятно кольнуло.

— Ингрид... а может не надо? — уточнила я, и голос выдал мое напряжение. — Может, мишень... ну или повесим там что-нибудь?

— Милая моя, — сказала она мягче, — тебе придётся пускать стрелы в людей, а не в картонные мишени. Не обманывай себя.

Она сделала шаг ближе и слегка коснулась моего локтя, возвращая внимание к луку.

— Доверяй своим рукам.

Я ничего не ответила, только кивнула, чувствуя, как все внутри сопротивляется. Я подготовила тетиву, проверяя натяжение, затем достала стрелу и вложила её, снова бросив быстрый взгляд на Ингрид — вдруг она передумала, вдруг остановит и скажет, что мы начнём с чего-то проще. Но она лишь убрала за уши свои короткие, белые, как первый снег, волосы и ободряюще кивнула, не оставляя мне ни малейшего шанса отступить.

Сигрун тем временем отошла к стене, занимая позицию. До этого державшая волосы собранными в тугий пучок, она медленно распустила их, и густые пряди свободно скользнули вниз, опускаясь почти до колен и мягко ложась вдоль спины, переливаясь теплым, глубоким рыжим оттенком в свете зала.

Она провела пальцами по длине, собирая их в одну сторону, и повязала у основания чёрную ленточку, которая резко выделялась на фоне огненного цвета. Она подняла руку, обозначая готовность.

Когда я уже направляла стрелу, Ингрид окликнула меня.

— Стой, — тихо сказала она и легко коснулась моего плеча. — Ты вся зажата. Лук не любит силы, — продолжила Ингрид, отходя на шаг, чтобы видеть меня целиком. — Он любит точность и спокойствие.

Она медленно показала движение рукой, будто сама натягивает тетиву.

— Встань ровно. Ноги на ширине плеч. Не шире, иначе ты потеряешь баланс, и не уже, тогда тебя качнет от отдачи.

Я сместилась, стараясь повторить ее позицию.

— Лучше. Теперь не блокируй колени, они должны оставаться мягкими.

Она подошла сзади и надавила мне на поясницу.

— Центр вниз. Представь, что весь твой вес уходит в землю, как и с мечом. Если тебя сейчас толкнуть, ты не должна сдвинуться.

Она провела ладонью вдоль моей руки, выравнивая линию.

— Запомни: прямая линия от плеча до кисти.

Затем она перешла к другой руке, в которой я держала тетиву.

— А здесь — наоборот.

Она слегка потянула мою руку назад, корректируя.

— Тяни не кистью. Тяни спиной.

Я нахмурилась. Как же много всего приходилось держать в голове одновременно.

— Своди лопатки. Не руками тяни, спиной раскрывайся. Тогда тетива пойдет ровно.

Она обошла меня и встала передо мной, чуть сбоку, чтобы не перекрывать линию выстрела.

— Теперь дыхание.

Я поняла, что невольно задерживала его, сама того не замечая.

— Не держи, — сразу заметила она. — Ты из-за этого трясёшься. Вдох когда поднимаешь лук, выдох когда тянешь тетиву. И на паузе отпускаешь.

Я повторила за ней, стараясь не сбиться. Она сузила глаза, внимательно следя за мной.

— И ещё, — добавила она. — Не смотри на всего человека как на цель. Смотри на точку.

Она отступила назад, освобождая мне больше пространства.

— Когда будешь готова, стреляй. И не спеши, я смотрю.

Стрела сорвалась с тихим, резким звуком, разрезая воздух быстрее, чем я успела до конца осознать движение. В следующий момент она уже врезалась в стену рядом с Сигрун — достаточно близко, чтобы заставить меня выдохнуть с облегчением, но всё же заметно правее, чем было нужно. Я опустила лук, чувствуя, как в груди поднимается знакомое разочарование.

— Неплохо, — спокойно сказала Ингрид. — Ты не дернулась и не закрыла глаза в последний момент, уже супер. Но ты всё ещё ведёшь стрелу взглядом, будто можешь изменить ее траекторию в полете. — Добавила она. — И в последний момент пытаешься «дотянуть» её рукой. Не надо.

Я сжала губы, кивнула и потянулась за следующей стрелой. На этот раз я задержалась дольше. Проверила стойку, положение ног, плечи и дыхание. Осознанно отпустила лишнее напряжение в пальцах и чуть ослабила хватку. Вдох, выдох.

Стрела прошла почти по нужной линии и, задев ленточку, едва заметно качнула её, заставив чёрную ткань дрогнуть и отклониться в сторону, но лента осталась целой.

— Уже лучше, — сразу отозвалась Ингрид, и в её голосе послышалось настоящее одобрение. — Видишь разницу?

Я кивнула, не отрывая взгляда от ленточки, которая всё ещё медленно покачивалась.

Я снова подняла лук, приняла удобное для тела положение и отпустила стрелу. Она сорвалась мягко, почти бесшумно. Тонкая черная лента резко дёрнулась и оборвалась, разлетевшись на две части. Одна из них, лёгкая и невесомая, медленно опустилась вниз. Я замерла, не сразу понимая, что произошло.

— Да, — коротко сказала Ингрид. — Вот теперь — да.

Я еле сдержалась, чтобы не завизжать от восторга, и закрыла рот руками, бросая лук. Да я была теперь даже круче Китнисс Эвердин!

После завтрака Локи почти сразу забрал меня у девушек, не дав ни времени, ни возможности разделить с ними свой восторг — тот редкий, почти детский прилив радости и благодарности, который всё ещё жил во мне после тренировки. Я и представить не могла, что моё тело способно на подобное.

— Пойдём, — бросил он коротко, тут же разворачиваясь и уходя вперёд, не проверяя, последую ли я за ним, как если бы моё решение не имело никакого значения.

Сначала мы двигались через знакомые, светлые, высокие, наполненные голосами и движением залы Асгарда, но с каждым поворотом, с каждой лестницей вниз всё это постепенно исчезало: людей становилось меньше, шаги становились глуше, а стены теряли золото, блеск и торжественность, становясь холодными, тяжёлыми и почти сырыми на ощупь.

— Ну и куда мы идём, о великий и ужасный бог коварства? — наконец осмелилась спросить я. — Закопаешь меня где-нибудь под крепостью?

Локи склонил голову и убрал руки в карманы брюк.

— Закопал бы, так ты все равно восстанешь. — произнес он с наигранным сожалением. — Может быть, я хотел сделать тебе сюрприз.

Я тихо хмыкнула, но прежде чем успела ответить, он заговорил снова.

— Ты сомневаешься. В решениях Одина и в том, зачем ты здесь. В том, имеешь ли ты к этому хоть какое-то отношение.

Я невольно сжала губы.

— А ты нет?

Локи предпочел не отвечать.

— То есть ты ведёшь меня куда-то, — продолжила я, — чтобы показать нечто, что должно убедить меня перестать сомневаться?

Он остановился, сделал шаг в сторону и пропустил меня вперёд.

— Это... — слова застряли в горле. — Этого не может быть...

Передо мной поднималось нечто, что отказывалось укладываться в любую форму, в любое понятие, которое я пыталась на него наложить. Ствол огромного дерева уходил вверх не просто высоко, а за пределы самого взгляда, словно не заканчивался вовсе, а продолжался там, где заканчивалось небо. Корни же, наоборот, тонули в густом, движущемся тумане.

— Это... Иггдрасиль? — всё-таки выдохнула я, не отрывая взгляда.

— Он самый, — отозвался Локи за моей спиной, и в его голосе прозвучало нескрываемое удовлетворение моей реакцией.

Ветви расходились, и на них лежали целые пласты мирового существования: текущий как живая субстанция свет; плотная, поглощающая тьма; движущаяся внутри самого ствола вода; вплетенный в ветви и всеобщее равновесие огонь; и среди всего этого — города, линии, судьбы, которые пересекались, сплетались, расходились, образуя узор слишком сложный, чтобы его можно было понять.

У меня закружилась голова.

— Это... миры? — почти шёпотом спросила я.

— Это то, на чём они держатся, — ответил Локи. — И то, внутри чего они существуют. Я медленно повернулась к нему.

— И Один... — начала я, но слова снова подвели. — Он... управляет этим?

Локи тихо рассмеялся.

— Никто не управляет этим, — сказал он, глядя прямо на меня. — Даже Один. — Он сделал паузу. — Но он единственный, кто может менять руны.

Он сошёл с ровной каменной площадки ближе к корням, туда, где туман уже не стелился по земле, а медленно поднимался, касаясь щиколоток. Гравий тихо хрустнул под его ногами, и я последовала за ним. Хотелось поближе рассмотреть это великолепие.

В воздухе смешивались запах сырой коры, холодной воды и чего-то ещё, цветочного, едва уловимого. Я подошла ближе, осторожно, почти на носочках. Весь ствол был усыпан маленькими золотистыми рунами, которых не было видно издалека. Линии переплетались, расходились, снова сходились, образуя узоры, которые менялись прямо на глазах.

Локи остановился у самого ствола и провёл ладонью по поверхности. Руны под его пальцами дрогнули, едва заметно сместившись, а затем медленно вернулись на свое место.

— Видишь? — сказал он, не оборачиваясь. — У каждого человека и существа в девяти мирах есть своя руна, — начал объяснять Локи.

Он провёл пальцами ниже, задержался на одном участке, словно выбирая нужную руну, а затем слегка надавил — и одна из линий отозвалась, вспыхнув тусклым, глубоким светом.

— Это не просто знак, — добавил он. — Это процесс жизни.

Он отнял руку, стряхнул с пальцев невидимую пыль, будто после чего-то липкого, и наконец посмотрел на меня.

— Пока существо живёт, она остаётся открытой. Двигается, меняется, обретает новые линии. — Он сделал короткий жест в сторону дерева. — Каждый выбор, каждая ошибка... всё оставляет след. И у каждой руны есть точка, — продолжил Локи. — Момент, после которого всё остальное уже не имеет значения. Поступок, который определяет смысл существования того или иного человека или существа.

Я слотнула.

— И тогда... руна закрывается?

— Да. И после этого её уже нельзя изменить. После смерти руна замыкается и исчезает. Исключения составляют руны валькирий и богов, они завершены с самого рождения, поскольку их предназначение предопределено. Ну и боги бессмертны, конечно, маленький бонус. Вы так-то тоже, но мы все еще можем вас убить.

— А Один... — начала я, не отрывая взгляда. — Он видит это?

— После того, как он повис на этом древе, — сказал он, кивнув вверх, — он получил возможность видеть главное событие руны до того, как она замкнется.

— То есть он знает, чем всё закончится?

— Некоторые линии... — он замолчал, и я впервые увидела, как он подбирает слова, — ...ведут к событиям, которые разрушают слишком многое. Иногда одна руна стоит тысячи других.

Туман у наших ног едва заметно заколыхался.

— И тогда он посылает валькирий. — Логично продолжила я. — Чтобы остановить таких людей и...существ, пока руна еще открыта.

— Именно, чтобы спасти больше жизней, — произнес он наконец. — И не допустить второго Рагнарека.

— А Фрейя...Кто она? Ну то есть я знаю, что она богиня любви, красоты и плодородия, но...Причем тут я?

— Ты слышала это имя здесь раньше? — удивленно спросил Локи.

— На дороге, — ответила я. — Меня подозревали в ...работе на нее?

Локи тихо выдохнул через нос. Он прошёлся вдоль ствола, скользя пальцами по коре, но теперь не задерживаясь ни на одной линии.

— Фрейя занимает обратную Одину позицию и укрывает опасные руны. Прячет тех, чьи пути ведут к разрушению. Уводит их от взгляда Одина.

Я скрестила руки, чувствуя, как холод от дерева постепенно пробирается под кожу.

— И из-за неё... мир ближе к Рагнарёку?

Локи сделал шаг назад, уперся плечом в выступ коры и на секунду закрыл глаза, как если бы перебирал варианты ответа.

— Да. Так скажут валькирии, — произнёс он.

— А ты? — спросила я.

— Фрейя считает, что свобода выбора важнее безопасности, — сказал он. — Один считает, что безопасность важнее чужих иллюзий о свободе. Оба уверены, что спасают мир. Я не придерживаюсь никакой из сторон.

Я всё ещё смотрела на почти замкнувшуюся линию одной из рун, пытаюсь уловить в её медленном, упрямом движении нечто, что ускользало от понимания, когда на границе тумана появилось движение — сначала едва различимое, похожее на игру света в плотном воздухе, но затем оформляющееся в силуэты, которые постепенно обретали форму.

Это были три женщины, однако непохожие ни на валькирий, ни на обычных людей, и я с ужасом поняла, что их головы повернуты в противоположную от тела сторону. Ткань их одежд, плотная и матовая, цвета сырого камня, не подчинялась ни ветру, ни движению тела, оставаясь почти неподвижной.

Я невольно сделала шаг назад. Они подошли к самому стволу, и одна из них подняла руку, будто точно зная, где остановиться и где именно среди множества движущихся линий находится нужная. Женщина не коснулась её сразу, а на мгновение замерла, удерживая ладонь в воздухе, а затем сомкнула пальцы и извлекла руну.

Та в её руке свернулась, уплотнилась и превратилась в знак, выгравированный на камне. Рядом с ними уже стояла другая фигура, валькирия — я не заметила, когда именно она появилась.

Я почувствовала, как холод проходит по позвоночнику. Валькирия приняла руну и быстро удалилась. Сегодня кто-то умрет.

— Это... приказ Одина, да? — спросила я.

Локи кивнул.

— Это норны, они живут у корней Иггдрасиля и служат Одину. Они способны вынимать руны из дерева и передавать на задания Валькириям.

— Значит... вот как это происходит. Валькирия забирает руну, убирает нужного, и убеждается, что руна закрывается и исчезает? Они ведь даже никогда не узнают настоящую причину своей смерти, — сказала я с сожалением.

Я снова посмотрела на Локи, позволяя взгляду задержаться дольше, чем следовало бы, и, сама того не замечая, начала разбирать его по деталям, будто в его силуэте можно было найти ответы, которых он не произносил вслух. Он стоял вполоборота, и свет от рун ложился на него неровно, разрезая фигуру на участки света и тени, подчёркивая острые линии лица и оставляя взгляд частично скрытым. Скулы обрамлялись резче, чем раньше, а губы казались почти безжизненно ровными, без намека на улыбку, которая так часто появлялась в разговоре с ним.

Линия его плеч оставалась напряженной, а голова была опущена в той особой сосредоточенности, когда мысли утягивают тебя все глубже. Мне это было знакомо. Мне захотелось подойти, положить ему руку на плечо, показать, что он не один в своих сомнениях. Хотя воз-

можно я придумала себе его реакцию и мне просто хотелось, чтобы кто-то разделял мою тоску и слабость?

— Почему ты не примкнешь ни к одной из сторон? — Я первой нарушила тишину, делая шаг ближе. — Хотя, полагаю, тебе всё же ближе Один, раз ты остаешься в Асгарде.

Локи развел руками, и уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Разве может бог обмана и коварства быть на чьей-то стороне? — произнес он с насмешкой. — Нет уж, благодарю. Застрять между враждой двух богов, оказавшись третьим лишним, — сомнительное применение моим талантам.

Он чуть склонил голову, прищурившись.

— У вас ведь так и говорят, верно? Третий лишний.

Я не удержалась и тихо фыркнула.

— Да, что-то вроде того... — я чуть прикусила губу, собираясь с мыслями. — Но мне всё равно интересно, что ты думаешь обо всём этом на самом деле.

Он скрестил руки на груди и посмотрел на меня сверху вниз — не просто свысока, а с отстраненной внимательностью, будто взвешивал каждое слово, прежде чем позволить ему обрести значение. Задумчивость, которую я замечала в нём ещё несколько минут назад, исчезла без следа.

— Я думаю, — медленно начал он, — что ты — валькирия. А значит, у тебя нет роскоши сомневаться. Ты либо доверяешь Одину, богу мудрости, на секунду, и принимаешь его волю как свою... либо однажды проснешься и обнаружишь, что попрощалась с друзьями из-за чьего-то нелепого выбора или чьей-то навязчивой мысли. Подумаешь, кто-то забросил бомбу в мусорный контейнер, мимо которого проходил твой отец, а? Такую свободу ты хочешь оставить людям?

Если бы я знала, что чей-то случайный поступок может стоить моему отцу жизни... оставила бы я этого человека в живых? Просто ждала бы, пока всё случится? Нет. Определенно нет, хотя чувство вины даже за еще несовершенный поступок уже скручивалось в желудке крепким узлом.

Я никогда не умела скрывать свои мысли. Друзья шутили, что у меня лицо с субтитрами. И, конечно, Локи прочитал меня как открытую книгу.

— То-то и оно. Еще вопросы?

Я набрала в грудь воздуха. Ох, и зря же он спросил.

— А вот если...

— Пошли, не здесь. — Он развернулся и направился к выходу. — Я должен скоро передать тебя Хервёру и девушкам на тренировку. Тебя на первое задание скоро собираются отправить, ты в курсе?

Я не была в курсе. Паника резко поднялась где-то под рёбрами, но я заставила себя проглотить её и последовала за Локи обратно в крепость. Волосы окончательно растрепались за эти два дня, и, не имея другого выхода, я начала на ходу заплетать косу. Надо будет попросить Сигрун помочь — с этими металлическими кольцами я точно никогда не справлюсь.

— А если кто-то захочет разрушить дерево? Уничтожить? Все же могут подойти к нему так же просто, как только что мы с тобой. — Уточнила я.

— Невозможно. Один привнес себя Игдрасилю в жертву, поэтому древо прислушивается к его решениям, но другого, неважно кого, оно просто поглотит в себя. Кстати, захочешь все-таки однажды умереть, это еще один вариант, надо было сказать тебе раньше. Но лучше меня попроси.

Я закатила глаза.

— Ты же бог, — пробормотала я спустя несколько шагов, глядя на его спину. — Ну то есть... бо-ог. Почему ты не построишь себе собственную крепость? Зачем таскаешься со мной? И вообще позволяешь мне с тобой разговаривать? Я боюсь встречи с Одином до усрачки, а

тебя... воспринимаю почти как друга. Или наставника. Странно, да? Ты мог бы десять раз уже меня придушить и уничтожить, знаешь?

— И снова, как бы мне не хотелось, я не могу, забыла? — Он сделал паузу. — Хотя... попробовать однажды было бы любопытно.

Я скривилась.

— У меня есть свои дела, — продолжил он. — О которых я не имею привычки болтать направо и налево. Но я всегда нахожу время для того, что мне интересно.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— А ты... занятный случай. Свалилась на голову Одину из ниоткуда — и сразу успела всё испортить.

Я немного расстроилась. Конечно, было слишком смело с моей стороны полагать, что он хочет помочь мне освоиться, найти свое место, но ему просто было весело наблюдать за моими падениями.

— Ты ведь не скажешь, чем занимаешься, да? — я скептически прищурилась и лениво покрутила пальцами в воздухе, изображая пустую болтовню. — «Не суй нос не в свои дела», всё в таком духе?

— Будь готова через полчаса после тренировки, — перебил он. — Я покажу тебе, чем занимаюсь в свободное время. Думаю, тебе понравится.

Мы как раз подошли к тренировочному залу. Изнутри доносился звон металла, резкие удары и треск ломающихся манекенов.

— А мне вообще можно? — я замедлила шаг. — Уходить отсюда, куда-то... путешествовать?

Локи остановился и посмотрел на меня с явным недоумением.

— Ты не пленница. По крайней мере — пока. Выполняешь свои обязанности, а дальше живёшь так, как считаешь нужным.

Он склонил голову.

— Или ты слишком привыкла сидеть за партой и ждать указаний? Это я тоже могу устроить.

Я не ответила, только смело толкнула его кулаком в плечо и вошла в тренировочный зал. А было бы интересно занести бога обмана в собственный список лучших друзей.

Хервёр уже стояла в центре зала, опираясь на копьё, и, едва я приблизилась, ее взгляд тут же изучающе скользнул по мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.